

МОНОЛОГОВЪ

ДВѢ КНИГИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Блаженный Августинъ настраиваетъ самъ себя, чтобы приступить къ познанію Бога и души; прежде всего онъ проситъ божественной помощи; затѣмъ, признавъ превосходство тѣхъ знаній, къ которому стремится, разговариваетъ самъ съ собою о необходимости озаботиться оздоровленіемъ души, чтобы потомъ возвыситься безопасно до созерцанія Бога. Къ концу этой книги приходитъ къ заключенію, что все, что существуетъ истинно, безсмертно.

ГЛАВА I.

Молитва къ Богу.

Долго о многомъ и различномъ размышлялъ я самъ съ собою, и многе дѣи подвергалъ тщательному изслѣдованію и себя самаго, и свое благо, и то зло, котораго слѣдовало избѣгать; какъ вдругъ говорить мнѣ,—я ли то самъ, или кто другой, внѣ ли или внутри меня, не знаю: ибо это было то самое, что я всячески усиливуюсь познать,—итакъ говорить мнѣ Р. ¹⁾: Представь себѣ, что вотъ ты что нибудь открылъ; кому ты ввѣришь его на сохраненіе, чтобы перейти къ другимъ открытіямъ? А. Разумѣется, памяти. Р.

¹⁾ т. е. Разумъ. Буквою А. бл. Августинъ отличаетъ свою рѣчь.

Но такова ли она, чтобы сохранила вѣрно все, до чего ты додумался? А. Это трудно, а пожалуй и невозможно. Р. Итакъ нужно записать. Но что станешь ты дѣлать, если твое здоровье не позволяетъ письменной работы? А между тѣмъ и диктовать этого не слѣдуетъ; потому что оно требуетъ полного уединенія. А. Ты говоришь правду. Что мнѣ дѣлать, я рѣшительно не знаю. Р. Молись о здравьи и о помощи, чтобы достигнуть тебѣ желаемого, и это самое занеси на письмо, чтобы мысль о потомствѣ поддержала въ тебѣ бодрость. Затѣмъ, что откроешь, изложи коротко въ немногихъ заключеніяхъ. Только не старайся о привлеченіи толпы читателей; немногіе изъ твоихъ согражданъ удовлетворятся этимъ. А. Сдѣлаю такъ.

Боже, творецъ вселенной, даруй мнѣ во первыхъ, чтобы я усердно помолился Тебѣ, потомъ—чтобы я сдѣлался достойнымъ быть тобою услышаннымъ, наконецъ—чтобы ты исполнилъ мою молитву. Боже, чрезъ котораго стремится быть все, что само по себѣ не было Боже, который не попускаешь погибать и тому, что само губить себя взаимно. Боже, сотворившій изъ ничего этотъ міръ, который глаза всѣхъ находятъ прекраснѣйшимъ. Боже, который зло не творишь, но позволяешь ему быть, чтобы оно не было еще злѣйшимъ. Боже, который немногимъ, прибѣгающимъ къ тому, что истинно, показываешь, что зло есть ничто. Боже, чрезъ котораго вселенная и съ своею дурною стороною совершенна. Боже, чрезъ котораго не существуетъ рѣшительно никакого разногласія, такъ какъ худшее согласуется съ лучшимъ. Боже, котораго любить все, что можетъ любить, зная ли то, или не зная. Боже, въ которомъ существуетъ все, по которому ни мерзость всей вообще твари не мерзка, ни злоба не вредить, ни заблужденіе не заблуждаетъ. Боже, который не восхотѣлъ, чтобы истину зналъ кто либо, кромѣ чистыхъ. Боже, отецъ истины, отецъ муд

рости, отецъ истины и высшей жизни, отецъ блаженства, отецъ добра и красоты, отецъ умственного свѣта, отецъ пробужденія и просвѣщенія нашего, отецъ залога, побуждающаго насъ возвратиться къ Тебѣ.

Тебя призываю, Богъ истина, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго истинно все, что истинно. Богъ мудрость, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго мудрствуетъ все, что мудрствуетъ. Богъ жизнь истинная и высшая, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго живетъ все, что живетъ истинно и возвышенно. Богъ блаженство, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго блаженствуетъ все, что блаженно. Богъ добро и красота, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго все добро и прекрасно, что только добро и прекрасно. Богъ умный свѣтъ, въ которомъ, отъ котораго и чрезъ котораго разумно сіяетъ все, что сіяетъ разумомъ. Богъ, царство котораго весь міръ, коего чувство не знаетъ. Богъ, законъ царства котораго распространяется на эти царства. Богъ, отъ котораго отвратиться значитъ пасть; къ которому обратиться—возстать; въ коемъ пребывать—стоять твердо. Богъ, отъ котораго удалиться тоже, что умереть; къ которому возвратиться—ожить; въ коемъ обитать—жить. Богъ, котораго никто не оставляетъ, кромѣ обманутаго; котораго никто не ищетъ, кромѣ вразумленнаго; котораго никто не находитъ, кромѣ очистившагося. Богъ, котораго оставить тоже, что и погибнуть; къ которому стремиться тоже, что и любить; котораго видѣть тоже, что имѣть. Богъ, вѣра въ котораго насъ возбуждаетъ; надежда на котораго ободряетъ, а любовь къ которому съ Нимъ соединяетъ. Богъ, чрезъ котораго побѣждаемъ мы врага, Тебя я молю! Богъ, отъ котораго мы получили то, что до конца не погибнемъ. Богъ, отъ котораго вразумляемся бодрствовать. Богъ, чрезъ котораго надѣемся блага отъ зла. Богъ, чрезъ котораго мы избѣгаемъ зла и получаемъ благо. Богъ, чрезъ ко-

торого мы не поддаемся несчастіямъ. Богъ, чрезъ котораго хорошо служимъ и хорошо господствуемъ. Богъ, чрезъ котораго мы узнаемъ, что то чужое, что нѣкогда мы считали своимъ, и наше, что нѣкогда считали чужимъ. Богъ, чрезъ котораго мы не ловимся на приманки и предести зла. Богъ, чрезъ котораго вещи малыя не умаляютъ насъ. Богъ, чрезъ котораго наше лучшее не подчинено худшему. Богъ, чрезъ котораго смерть пожирается въ побѣду (I Кор. XV. 54). Богъ, который обращаешь насъ. Богъ, который совлекаешь съ насъ несущее и облакаешь насъ сущимъ. Богъ, который творишь насъ достойными быть услышанными. Богъ, который ограждаешь насъ. Богъ, который облакаешь насъ во всякую истину. Богъ, который говоришь намъ всеблагое, не дѣлаешь самъ и никому не позволяешь дѣлать насъ безумными. Богъ, который возвращаешь насъ на путь. Богъ, который приводишь насъ къ двери. Богъ, который дѣлаешь то, что толкующему отвергается (Мат. VІІ. 8). Богъ, который даешь намъ хлѣбъ жизни. Богъ, чрезъ котораго мы жаждемъ питья, вкусивъ однакоже коего, мы не возжаждемъ никогда (Іоан. VI. 35). Богъ, который обличаешь міръ о грѣхѣ, и о правдѣ, и о судѣ (Іоан. XVI. 8). Богъ, чрезъ котораго насъ не приводятъ въ сомнѣніе тѣ, кто не вѣруютъ. Богъ, чрезъ котораго мы отвергаемъ заблужденіе тѣхъ, кто думаютъ, что заслуги душъ ничто предъ Тобою. Богъ, чрезъ котораго мы не служимъ немощнымъ и худымъ стихіямъ (Гал. IV. 9). Богъ, который очищаешь насъ и приготовляешь къ божественнымъ наградамъ, Ты милостивый, приди ко мнѣ.

Во всемъ, что сказалъ я, Ты приди ко мнѣ на помощь, Ты Богъ единый, единая вѣчная истинная сущность, гдѣ нѣтъ никакой разности, никакого смѣшенія, никакого измѣненія, никакого оскудѣнія, никакой смерти. Гдѣ высочайшее согласіе, высочайшая очевидность, высочайшее постоянство,

высочайшая полнота, высочайшая жизнь. Гдѣ ничего нѣтъ въ недостаткѣ, ничего нѣтъ въ излишкѣ. Гдѣ рождающій и рождаемый едино. Богъ, которому служить все, что служить; которому повинуются всякая добрая душа. По законамъ котораго вращаются полюсы, звѣзды совершаютъ свои теченія, солнце находится въ движеніи весь день, луна умѣряетъ мракъ ночи; и весь міръ,—изъ дня въ день, чрезъ взаимную смѣну свѣта и ночи,—отъ мѣсяца до мѣсяца, чрезъ возрастаніе и убыль луны, отъ года до года, чрезъ послѣдовательное появленіе весны, лѣта, осени и зимы,—отъ пятилѣтія до пятилѣтія, чрезъ совершеніе своего теченія солнцемъ,—и отъ одного изъ великихъ періодовъ до другаго, чрезъ возвращеніе небесныхъ свѣтилъ къ своимъ восходамъ,—стройностію и кругообращеніемъ временъ охраняетъ постоянство вещей, насколько позволяетъ то чувственная матерія. Богъ, законы коего, во вѣки непреложные, не допускаютъ приходить въ безпорядокъ непостоянному движенію вещей измѣнчивыхъ, и придаютъ ему подобіе неподвижности всегдашнимъ круговращеніемъ вѣковъ; по законамъ котораго воля души свободна, а награды добрымъ, и наказанія злымъ, распределены во всемъ съ неизмѣнною необходимостію. Богъ, отъ котораго распространяются на насъ все блага, который устраняетъ отъ насъ всякое зло. Богъ, выше котораго ничто, ни въ котораго ничто, безъ котораго ничто. Богъ, подъ которымъ все, въ которомъ все, съ которымъ все. Ты, сотворившій человека по образу и подобию своему, что узнаешь, кто знаетъ себя самаго. Услышь, услышь, услышь меня, Богъ мой, Господь мой, царь мой, отецъ мой, причина моя, надежда моя, богатство мое, честь моя, домъ мой, родина моя, спасеніе мое, свѣтъ мой, жизнь моя. Услышь, услышь, услышь меня съ тою благосклонностію твоею, которая весьма извѣстна немногимъ.

Тебя одного люблю я, Тебѣ одному я слѣдую, Тебя одного я ищу, одному Тебѣ готовъ я служить, потому что одинъ

Ты праведно господствуешь; въ Твоей власти я быть желаю. Повели, молюсь, и прикажи, что Тебѣ будетъ угодно; но исцѣли и открой слухъ мой, чтобы я услышалъ слова твои. Исцѣли и открой глаза мои, чтобы я увидѣлъ ими манія твои. Изгони изъ меня безуміе, чтобы я снова узналъ Тебя. Скажи мнѣ, куда я долженъ обратить взоры свои, чтобы увидѣть Тебя, и я надѣюсь исполнить все, что повелишь Ты. Прими меня, молю, обратно бѣглеца твоего, Господи, отецъ всемилостивый: довольно уже понесъ я наказаній; довольно послужилъ я врагамъ Твоимъ, которые подъ ногами у Тебя; довольно былъ я игрушкою обмановъ. Прими меня раба своего, убѣгающаго отъ нихъ, ибо и они приняли нѣкогда меня, раба чужаго, когда я убѣгалъ отъ Тебя. Я чувствую, что долженъ возвратиться къ Тебѣ: пусть откроются мнѣ толкующему двери твои; научи меня, какъ прійти къ Тебѣ. Ничего другаго не имѣю я, кромѣ доброй воли; ничего другаго не знаю я, кромѣ того, что все текущее и гибнущее должно быть предметомъ презрѣнія, а неизмѣнное и вѣчное—предметомъ исканія. Я это и дѣлаю, Отецъ мой, потому что только это знаю; но какимъ путемъ доходятъ до Тебя, того я не знаю. Ты присовѣтуй, Ты покажи, Ты снабди меня необходимымъ на дорогу. Если прибѣгающіе къ Тебѣ находятъ Тебя вѣрою, дай вѣру; если—добродѣтелию, дай добродѣтель; если—знаніемъ, дай знаніе. Усиль вѣру во мнѣ; усиль надежду, усиль любовь. О удивленія достойная и единственная благодѣтельность твоя!

Тебя я взыскую, и у Тебя же прошу того, какъ можно взыскать Тебя. Ибо если Ты оставляешь, все гибнетъ; но Ты не оставишь, потому что Ты высочайшее благо, котораго никто, надлежащимъ образомъ ищущій, не ищетъ напрасно. А надлежащимъ образомъ ищетъ всякій, для котораго Ты сдѣлалъ, чтобы онъ надлежащимъ образомъ искалъ. Даруй мнѣ, Отецъ, искать Тебя, освободи меня отъ заблужде-

нія: пусть, когда я буду искать Тебя, ничто другое вмѣсто Тебя не попадается мнѣ на встрѣчу. Если я не желаю ничего, кромѣ Тебя, то прошу Тебя, Отецъ, пусть я наконецъ найду Тебя. А если есть во мнѣ желаніе чего либо излишняго, очисти меня самъ и сдѣлай способнымъ видѣть Тебя. Остальное, что касается здоровья этого смертнаго тѣла моего, пока будетъ отъ него—не знаю какая—польза для меня или тѣхъ, кого я люблю, я предоставляю твоей волѣ, Отецъ премудрый и всеблагый, и буду просить не забывать о томъ, что будетъ благовременно. Я молю только высочайшую милость твою, чтобы Ты всецѣло обратилъ меня къ себѣ, чтобы Ты устранилъ всякія пренятствія при моемъ стремленіи къ Тебѣ, чтобы повелѣлъ Ты, пока я двигаю и ношу самое тѣло это, быть мнѣ чистымъ, великодушнымъ, справедливымъ и благоразумнымъ,—совершеннымъ любителемъ и понимающимъ мудрости твоей,—достойнымъ обитаніемъ и обитателемъ блаженнѣйшаго царства твоего. Аминь, аминь.

ГЛАВА II.

Что должно любить.

А. Вотъ я помолился Богу. Р. Такъ что же ты хочешь знать? А. Именно то все, о чемъ молился Р. Скажи это кратко. А. Я желаю знать Бога и душу. Р. А болѣе ничего? А. Рѣшительно ничего. Р. Въ такомъ случаѣ начинай спрашивать. Но сперва разъясни, какимъ образомъ тебѣ нужно показать Бога, чтобы ты могъ сказать: довольно. А. Какимъ образомъ мнѣ должно быть показано, чтобы я сказалъ довольно, того я не знаю; ибо я не думаю, чтобы я зналъ что нибудь такъ, какъ желаю знать Бога. Р. Такъ что же мы станемъ дѣлать? Развѣ ты не думаешь, что прежде всего тебѣ слѣдуетъ знать, какимъ образомъ познать Бога будетъ для тебя достаточнымъ, чтобы болѣе не искать послѣ того,

какъ достигнешь этого? А. Думать, думаю; но какъ это можетъ быть, не знаю. Развѣ я позналъ когданибудь что либо подобное Богу, чтобы могъ сказать: Какъ знаю я это, такъ хочу познать и Бога? Р. Но если ты Бога еще не знаешь, то откуда знаешь, что ты ничего не знаешь подобнаго Богу? А. А откуда, что если бы я зналъ, что либо подобное Богу, то я безъ сомнѣнія любилъ бы то; въ настоящее же время я не люблю ничего, кромѣ Бога и души, которыхъ, ни того, ни другой, не знаю. Р. Поэтому и друзей своихъ ты не любишь? А. Какимъ образомъ, любя душу, я могъ бы не любить ихъ? Р. Такъ въ такомъ случаѣ ты любишь и блохъ и клоповъ? А. Я сказалъ, что я люблю душу, а не одушевленныхъ животныхъ. Р. Или твои друзья не люди, или ты ихъ не любишь: потому что всякій человѣкъ есть животное одушевленное, а ты сказалъ что одушевленныхъ животныхъ не любишь. А. И люди они, и люблю я ихъ, — люблю не за то, что они животные одушевленные, а за то, что они люди, т. е. за то, что они имѣютъ разумныя души, которыя я люблю даже въ разбойникахъ. Ибо мнѣ дозвоительно любить разумъ во всякомъ, хотя и справедливо ненавижу того, кто дурно пользуется тѣмъ, что я люблю. Поэтому я тѣмъ болѣе люблю своихъ друзей, чѣмъ лучше они пользуются разумною душою, или точнѣе—чѣмъ больше желаютъ хорошо ею пользоваться.

ГЛАВА III.

Познаніе Бога.

Р. Пусть будетъ такъ; но если бы однакожь кто сказалъ тебѣ: Я сдѣлаю, что ты будешь знать Бога такъ, какъ знаешь Алиція, — не поблагодарилъ ли бы ты его, и не сказалъ ли бы: Довольно? А. Поблагодарить, пожалуй, поблагодарилъ бы, но сказать—довольно, не сказалъ бы, Р. Поче-

муже такъ? А. А, потому, что хотя я и не знаю Бога такъ, какъ знаю Алиція, однако я и Алиція не знаю достаточно. Р. Смотри, не слишкомъ ли дерзко съ твоей стороны желать, достаточно знать Бога, если ты не знаешь достаточно Алиція. А. Одно изъ другаго не слѣдуетъ. Что, напримѣръ, можетъ быть презрѣннѣ моего ужина сравнительно съ свѣтилami небесными? А между тѣмъ, что я буду ужинать завтра, я не знаю; тогда какъ безъ всякаго нарушения скромности признаюсь, что я знаю, въ какомъ созвѣздіи будетъ находится луна. Р. Такъ, можетъ быть, для тебя будетъ достаточно знать Бога такъ, какъ ты знаешь, въ какое созвѣздіе перейдетъ наавтра луна? А. Нѣтъ, недостаточно; потому что объ этомъ я заключаю, на основаніи чувствъ. Между тѣмъ я не могу утверждать, чтобы Богъ или другая какая нибудь тайная сила природы не могла неожиданно измѣнить направления и течения луны. Если бы послѣднее случилось, окажется ложнымъ все, что я ни предполагалъ. Р. И ты вѣришь, что это возможно? А. Не вѣрю. Но я спрашиваю о томъ, что я знаю, а не о томъ, чему я вѣрю. Обовсемъ, что мы знаемъ, мы можемъ совершенно правильно сказать, что мы тому и вѣримъ; но не обо всемъ, чему вѣримъ, можемъ сказать, что мы и знаемъ то. Р. Итакъ ты отвергаешь по этому предмету всякое свидѣтельство чувствъ? А. Рѣшительно отвергаю. Р. Ну, а этого друга своего, о которомъ сказалъ ты, что еще не знаешь его, ты желаешь знать чувствомъ или умомъ? А. То, что знаю я въ немъ чувствомъ, —если только чувствомъ познается что нибудь,—само по себѣ ничтожно и достаточно; но ту часть его, которую онъ мнѣ другъ, т. е. самую душу его я желаю узнать умомъ. Р. А иначе не можешь знать? А. Никонимъ образомъ. Р. Итакъ ты рѣшаешься сказать, что не знаешь своего друга и при томъ самаго искренняго? А. А почему же бы не рѣшиться? Я считаю въ высшей степени справедливымъ тотъ за-

конъ дружбы, который предписываетъ любить друга какъ не менѣе, такъ и не болѣе самаго себя. Поэтому, если я не знаю самаго себя.—какимъ образомъ я могу оскорбить друга, сказавши, что не знаю его, особенно если и самъ онъ, какъ я вѣрю, не знаетъ себя же самаго? Р. Въ такомъ случаѣ, если то, что хочешь ты знать, относится къ тому роду предметовъ, который постигается умомъ: то когда я сказалъ, что дерзко съ твоей стороны желать знать Бога, если ты не знаешь Алипія, ты не долженъ былъ приводить въ сравненіе свой ужинъ и луну, если послѣдніе относятся, какъ ты сказалъ, къ чувству.

ГЛАВА IV.

Какое знаніе вѣрное.

Впрочемъ, для насъ это безразлично Ты скажи мнѣ теперь вотъ что: если сказанное о Богѣ Платономъ и Плотиномъ истинно, будетъ ли для тебя достаточно знать Бога такъ, какъ знали они? А. Если сказанное ими и истинно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они непременно то знали. Многіе весьма обстоятельно говорятъ о томъ, чего не знаютъ; какъ и самъ я обо всемъ, о чемъ молился, сказалъ, что желаю то знать. Подобнаго желанія я не выразилъ бы, если бы зналъ; а между тѣмъ могъ же я говорить о томъ? Вѣдь говорилъ я не то, что постигъ умомъ, а что успѣлъ съ разныхъ сторонъ усвоить себѣ памятью, и вочто, насколько могъ, увѣровалъ. Знать же есть нѣчто иное. Р. Скажи, пожалуйста, знаешь ли ты по крайней мѣрѣ, что такое въ геометрии линія? А. Это я знаю съ полною точностію. Р. И говоря такъ, ты не боишься Академиковъ? А. Вовсе нѣтъ. Ибо они не допускали, чтобы заблуждался мудрый; а я не мудрый. Поэтому и не опасаясь пока признаться въ знаніи

тѣхъ вещей, которыя знаю. А когда достигну, какъ того желаю, мудрости, тогда буду поступать по ея внушенію. Р. Пусть такъ. Но продолжаю вопросы: Такъ ли ты знаешь и шаръ, который называютъ сферою, какъ знаешь линію? А. Знаю и шаръ. Р. По одинаково ли знаешь и то и другое, или одно болѣе, другое менѣе? А. Совершенно одинаково. Ибо относительно обоихъ ни въ чемъ не ошибаюсь. Р. Скажи же, чувствами или умомъ воспріялъ ты это знаніе? А. Чувствами въ этомъ случаѣ я воспользовался какъ кораблемъ. Когда они доставили меня до мѣста, къ которому я стремился, я ихъ оставилъ тамъ; и когда, какъ бы высадившійся уже на берегъ, я сталъ все это придумывать мыслію, мои шаги долго колебались. Поэтому мнѣ кажется, что скорѣе можно плавать на кораблѣ по сушѣ, чѣмъ усвоить геометрію посредствомъ чувствъ, хотя они и помогаютъ нѣсколько начинающимъ учиться. Р. Итакъ науку объ этихъ вещахъ, если ты считаешь ее наукою, ты не колеблешься назвать знаніемъ? А. Нѣтъ, если позволять стоики, которые не приписываютъ знанія никому, кромѣ мудраго. Я не отрицаю, что имѣю представленіе обо всемъ этомъ; имѣть представленіе они дозволяютъ и глупости. Впрочемъ, не боюсь пожалуй и ихъ. Я вполне знаю все то, о чемъ ты спрашивалъ; продолжай только; посмотримъ, къ чему клонятся твои вопросы. Р. Не спѣши, у насъ довольно досуга. Вдумывайся только внимательнѣе, чтобы не согласиться съ чѣмъ нибудь неосмотрительно. Я имѣю въ виду дать тебѣ возможность наслаждаться такими вещами, по отношенію къ которымъ ты не будешь бояться ни за какую случайность, а ты между тѣмъ велишь торопиться, какъ будто дѣло это пустое? А. Дай Богъ, чтобы было такъ, какъ ты говоришь. Поэтому спрашивай какъ тебѣ будетъ угодно, и побрани посильнѣе, если что нибудь такое же случится послѣ этого.

Р. Ясно ли тебѣ, что линію нельзя никакимъ образомъ

разсѣчь продольно на двѣ линіи? А. Ясно. Р. А поперечно? А. Поперечно, разумѣется, можно разсѣкать до безконечности. Р. А не одинаково ли ясно, что можно имѣть два равные круга, если съ какой-бы то ни было стороны разсѣчь сферу черезъ центръ? А. Совершенно одинаково. Р. А линія и сфера?—Кажутся ли онѣ тебѣ чѣмъ нибудь однимъ и тѣмъ же, или нѣсколько различными между собою? А. Кто не знаетъ, что онѣ весьма различны? Р. Но если ты одинаково знаешь и то, и это, а между тѣмъ признаешь, что то и другое весьма различны между собою: въ такомъ случаѣ есть знаніе безразличное вещей различныхъ? А. Кто это отрицалъ? Р. Отрицалъ ты нѣсколько прежде. Ибо когда я спрашивалъ тебя, какъ бы ты желалъ знать Бога, чтобы могъ сказать: довольно,—ты отвѣчалъ, что не можешь объяснить этого потому, что не имѣешь такого познанія, подобное которому ты желаешь получить о Богѣ,—что ничего не знаешь подобнаго Богу. А въ данномъ случаѣ что? Линія и сфера развѣ подобны? А. Кто это говорилъ? Р. Но вѣдь я спрашивалъ не о томъ, зналъ ли ты что подобное, а о томъ, какъ ты желаешь знать Бога. Ты также точно знаешь линію, какъ знаешь и сферу; хотя линія представляется вовсе не такою, какою является сфера. Поэтому отвѣть мнѣ, достаточно ли для тебя знать Бога такъ, какъ знаешь ты этотъ геометрический шаръ, т. е. чтобы не сомнѣваться и относительно Бога, какъ не сомнѣваешься относительно этой геометрической фигуры?

ГЛАВА V.

Тоже ли или одинаково ли знаніе вещей различныхъ.

А. Хотя ты возражаешь и опровергаешь меня весьма сильно, тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь сказать, что желаю знать Бога такъ, какъ знаю это. Ибо не только предметъ,

но и самое знаніе лицъ кажется различнымъ. Во первыхъ, линія и сфера не на столько различаются между собою, чтобы познаніе ихъ не было предметомъ одной и тойже науки; между тѣмъ какъ никакой геометръ не принимался учить о Богѣ. Затѣмъ, еслибы познаніе Бога и этихъ предметовъ было одинаково, я столько же радовался бы, узнавъ послѣднее, сколько предполагаю, сталъ бы радоваться, узнавъ Бога. Между тѣмъ въ настоящее время я до такой степени презираю ихъ въ сравненіи съ Богомъ, что мнѣ думается иногда, что если бы я постигъ Его и увидѣлъ такъ, какъ Онъ можетъ быть зримымъ, то всѣ эти предметы исчезли бы изъ моего знанія; потому что и теперь при любѣ къ нему они едва приходятъ мнѣ на умъ. Р. Пусть твоя радость будетъ и гораздо большею, когда ты познаешь Бога, чѣмъ отъ познанія этихъ предметовъ; но это—отъ различія предметовъ, а не пониманія. Вѣдь не иными глазами ты смотришь на землю и не иными на голубой сводъ небесный; а между тѣмъ видъ этого доставляетъ тебѣ гораздо большее удовольствіе, чѣмъ видъ той. Но если глаза не обманываютъ, я думаю, что еслибы тебя спросили — дѣйствительно ли ты видишь также землю, какъ и небо,—ты долженъ былъ бы отвѣтить — дѣйствительно также; хотя красота и блескъ неба радуютъ тебя болѣе, чѣмъ красота земли. А. Признаюсь, это сравненіе поражаетъ меня, и я вынужденъ согласиться, что настолько различны въ своемъ родѣ земля и небо, настолько же эти истинныя и точныя научныя доказательства далеки отъ постигаемаго умомъ величія Божія.

ГЛАВА VI.

Чувства, которыми душа усматриваетъ Бога.

Р. Хорошо, что это тебя поражаетъ. Ибо разумъ, разговаривающій съ тобою, обѣщаетъ показать тебѣ Бога такъ, какъ видимо солнце для глазъ. Потому что чувства душевныя

представляют собою въ отношеніи къ уму какъ бы глаза его; всякія же точнѣйшія научныя положенія похожи на то, что освѣщается солнцемъ до возможности видѣть, какъ на примѣръ земля и все земное; а Богъ есть самъ тотъ, кто освѣщаетъ. Я же, разумъ, въ отношеніи къ уму тоже, что способность смотрѣть въ отношеніи къ глазамъ. Ибо имѣть глаза не тоже, что смогрѣть, или смотрѣть не тоже, что видѣть. Итакъ душѣ нужны три вещи: имѣть глаза, которыми бы она могла пользоваться надлежащимъ образомъ, смотрѣть, видѣть. Здоровые глаза представляют собою умъ, чистый отъ всякой заразы тѣлесной, т. е. удалившійся и очистившій себя отъ пожеланій вещей смертныхъ; а это доставляетъ ему не иное что, какъ вѣра прежде всего. Ибо, какъ скоро ему нельзя показать этого, пока онъ оскверненъ и болѣетъ пороками,—потому что видѣть онъ можетъ только въ здоровомъ состояніи: то, если онъ не увѣруетъ, что иначе не увидитъ, не станетъ стараться о своемъ оздоровленіи. Но вѣдь еслибы онъ и увѣровалъ, что это дѣйствительно такъ, и что если онъ можетъ видѣть, то увидитъ только при этомъ условіи; а между тѣмъ отчаявался бы въ возможности выздороветь: развѣ не упалъ ли бы онъ духомъ, не сталъ ли бы презирать себя и не сталъ ли бы дѣйствовать вопреки предписаніямъ врача? А. Совершенно вѣрно, особенно въ виду того, что предписанія эти, естественно, покажутся противными для болѣзни. Р. Поэтому къ вѣрѣ должна быть присоединена надежда. А. Думаю, что такъ. Р. Но если онъ и вѣритъ, что все это такъ дѣйствительно, и надѣется, что можетъ излѣчиться; а между тѣмъ самаго свѣта, который ему обѣщается, не будетъ любить, не будетъ желать, и порѣшится, что ему слѣдуетъ довольствоваться своимъ мракомъ, приятнымъ ему уже вслѣдствіе самой привычки: развѣ и въ этомъ случаѣ не отвергаетъ онъ врача? А. Совершенно вѣрно. Р. Итакъ, въ третьихъ, необходима любовь. А. Дѣй-

ствительно, болѣе необходима, чѣмъ что нибудь. Р. Итакъ безъ этихъ трехъ не издѣжится никакая душа, чтобы могла видѣть, т. е. постигать своего Бога.

А если будетъ имѣть здоровые глаза, то что остается? А. Остается смотрѣть. Р. Взглядъ души это—разумъ. Но такъ какъ изъ того, что кто нибудь смотритъ, не слѣдуетъ, чтобы онъ видѣлъ, то настоящий и совершенный взглядъ, который т. е. дѣйствительно видитъ, называется добродѣтелью ибо добродѣтель есть настоящий или совершенный разумъ. Но и такой взглядъ не можетъ обратить къ свѣту хотя бы и здоровыхъ уже глазъ, если не будетъ этихъ трехъ: вѣры, которая будетъ полагать, что предметъ, на который обращенъ взглядъ, дѣйствительно таковъ, что если будетъ усмотрѣнъ, сдѣлаетъ взглядъ блаженнымъ; надежды, которая предрѣшитъ, что увидитъ непременно, если хорошо посмотритъ; любви, которая бы желала и видѣть, и наслаждаться. За взглядомъ слѣдуетъ уже самое видѣніе Бога, которое есть конецъ зрѣнія,—не потому, впрочемъ, чтобы зрѣніе послѣ этого не имѣло уже примѣненія, а потому, что далѣе этого стремленія его не простираются. Это и есть совершенная добродѣтель,—разумъ, достигающій своей цѣли, дѣлающій блаженною жизнь. Самое же видѣніе есть то разумѣніе, которое является въ душѣ, которое слагается изъ уразумѣвающаго и того, что уразумѣвается; какъ и примѣнительно къ глазамъ то, что мы называемъ—видѣть состоитъ изъ самаго чувства и того, что подлежить чувству, такъ что еслибы не было чего либо изъ двухъ, видѣть нельзя было бы ничего

ГЛАВА VII.

До какого момента необходимы вѣра, надежда и любовь.

Теперь посмотримъ, необходимы ли эти три и въ то время, когда душѣ уже удастся увидѣть Бога, т. е. уразумѣть

мѣть Бога. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ была бы необходима вѣра, если она уже видить? А надежда тѣмъ менѣе, такъ какъ она уже владѣетъ. У любви же не только ничто не отнимается, а напротивъ, ей придается весьма многое. Ибо съ одной стороны, увидѣвъ эту единственную и истинную красоту, душа тѣмъ болѣе ее полюбитъ; съ другой, если бы она не вперила съ особенною любовію глазъ, такъ что никогда не отводила бы ихъ въ сторону,—она не могла бы оставаться въ блаженнѣйшемъ созерцаніи. Но пока душа находится въ этомъ тѣлѣ, то хотя бы она и полнѣйшимъ образомъ видѣла, т. е. уразумѣвала Бога, однако, поколику тѣлесныя чувства продолжаютъ еще совершать свои отправления, и если не для обмана, то для недоумѣнія поводовъ всегда множество, можно назвать еще вѣрою то расположеніе души, которымъ одно отвергается, а другое принимается по преимуществу за истинное. Далѣе, хотя, уразумѣвъ Бога, душа будетъ уже блаженна и въ этой жизни, однако, поколику она терпитъ множество тѣлесныхъ скорбей, ей естественно надѣяться, что послѣ смерти всѣхъ этихъ неудобствъ не будетъ. Поэтому и надежда не оставляетъ души, пока она находится въ этой жизни. Но послѣ этой жизни, когда она вся соберется въ Бога, останется любовь, которая и тамъ удержится. Ибо нельзя сказать, что она будетъ имѣть вѣру въ истинность всего того, какъ скоро ея не будетъ тревожить никакая примѣсь лжи; не останется ей ничего и ожидать, такъ какъ она будетъ владѣть всеѣмъ съ полною безмятежностію. Итакъ отъ души требуются три вещи,—чтобы была здорова, чтобы смотрѣла, чтобы видѣла. Изъ этихъ трехъ вещей для первой и второй всегда необходимы другія три: вѣра, надежда и любовь; а для третьей — въ этой жизни необходимы всѣ три, а послѣ этой жизни необходима одна любовь.

ГЛАВА VIII.

Что необходимо для познанія Бога.

Теперь выслушай, насколько умѣстно то по ходу рѣчи, нѣкоторое ученіе мое о Богѣ, основанное на вышеприведенномъ сравненіи съ вещами чувственными. И Бога мы постигаемъ умомъ, и извѣстныя научныя положенія мы также постигаемъ умомъ; тѣмъ не менѣе они весьма различны между собою. И земля видима, и свѣтъ видимъ; но земли видѣть нельзя, если она не освѣщена свѣтомъ. Такъ и относительно положеній научныхъ, которые всякій, понимающій ихъ, признастъ безъ всякаго колебанія за самыя истинныя, слѣдуетъ думать, что ихъ нельзя было бы уразумѣть, если бы они не были освѣщены какъ бы нѣкоторымъ своимъ солнцемъ. Поэтому какъ въ отношеніи къ видимому солнцу слѣдуетъ различать три вещи, именно: что оно есть, что оно свѣтитъ, что оно освѣщаетъ; такъ и въ отношеніи къ этому таинственнѣйшему Богу, котораго хочешь ты уразумѣть, различаются три же стороны, именно: что Онъ есть, что Онъ познается, и наконецъ—что дастъ познавать остальное. Я рѣшаюсь учить тебя познанію двухъ предметовъ, т. е. тебя же самаго и Бога. Но скажи мнѣ, какъ примешь ты это: какъ вѣроятное, или какъ истинное? А Разумѣется, какъ вѣроятное; и долженъ признаться, что жду этого съ большимъ нетерпѣніемъ: потому что до сихъ поръ, кромѣ сказаннаго тобою о линіи и шарѣ, ты не сказалъ ничего такого, о чемъ я могъ бы сказать, что знаю. Р. Это неудивительно: потому что до сихъ поръ еще ничто не было изложено такъ, чтобы можно было требовать отъ тебя сознательнаго усвоенія.

ГЛАВА IX.

Любовь къ самимъ себѣ.

Но зачѣмъ медлимъ? Присгунимъ къ дѣлу Прежде всего, впрочемъ, посмотримъ, здоровы ли мы. А. Это ты

видишь, если только можешь что нибудь видѣть въ себѣ и во мнѣ; впрочемъ, на вопросы твои я буду отвѣчать что чувствую. Р. Любишь ли ты что нибудь, кромѣ познанія самаго себя и Бога? А. Судя по тому, какъ я чувствую себя въ настоящее время, я могъ бы отвѣчать, что ничего болѣе не люблю; но для большей безопасности отвѣчу, что не знаю. Ибо со мною часто случалось, что въ ту пору, какъ я вѣрилъ, что ничто другое меня не разшевелитъ, вдругъ входило что нибудь на умъ, что поражало меня совсѣмъ иначе, чѣмъ я предполагалъ. Также точно часто какой нибудь предметъ, приходя мнѣ на мысль, не тревожилъ меня; но когда то случалось на дѣлѣ, возмущалъ гораздо болѣе, чѣмъ я думалъ. Впрочемъ полагаю, что меня могутъ тревожить только три вещи: страхъ потерять тѣхъ, кого люблю, страхъ болѣзни, страхъ смерти. Р. Итакъ ты любишь, чтобы съ тобою вмѣстѣ жили любимые тобою; любишь доброе свое здоровье; любишь самую жизнь свою въ этомъ тѣлѣ: потому что иначе ты не боялся бы потерять все это. А. Признаюсь, что это такъ. Р. Стало быть, какъ скоро съ тобою иѣтъ всѣхъ друзей твоихъ и какъ скоро твое здоровье не совсѣмъ хорошо, это причиняетъ нѣкоторую боль твоей душѣ: потому что и это, на мой взглядъ, вытекаетъ изъ сказаннаго. А. Выводъ вѣрный; я не могу отрицать его. Р. Но если ты вдругъ почувствуешь и убѣдишься, что тѣло твое здорово, и увидишь, что всѣ, кого ты любилъ, одинаково съ тобою пользуются благороднымъ досугомъ, не обнаружишь ли ты и значительной радости? А. Обнаружу, пожалуй, и значительную; да и зачѣмъ бы, особенно еслибы это, какъ ты говоришь, случилось неожиданно, и сталъ бы обманывать себя, зачѣмъ сталъ бы скрывать этотъ родъ радости? Р. Следовательно ты еще поддаешься всякаго рода болѣзнямъ и сильнымъ движеніямъ душевнымъ. Какое же должно быть безстыдство подобныхъ

глазъ, если они хотятъ видѣть то солнце? А. Ты вывелъ такое заключеніе, какъ будто я вовсе не чувствую, насколько улучшилось мое здоровье, или отъ сколькихъ изъвъ я освободился и сколько ихъ осталось. Засгааь меня отказаться отъ этого.

ГЛАВА X.

Любовь къ предметамъ тѣлеснымъ и вѣнннмъ.

Р. Развѣ ты не знаешь, что эти тѣлесные глаза даже и въ здоровомъ состояніи часто поражаются свѣтомъ вещественнаго солнца, отворачиваются отъ него и ищутъ убѣжища въ темнотѣ? А ты, думающій о томъ, насколько подвинулся впередъ, не думаешь о томъ, что хочешь видѣть. Впрочемъ, разберемъ внимательно то, въ чемъ, по твоему мнѣнію, мы сдѣлали успѣхи. Ты не желаешь богатства? А. И не теперь впервые не желаю ихъ. Мнѣ теперь тридцать третій годъ; а я пересталъ его желать почти четырнадцать лѣтъ назадъ, и отъ всего того, что доставлялось случаемъ, не желалъ ничего, кромѣ необходимаго для жизни и для упражненія въ свободныхъ наукахъ. Одна изъ книгъ Цицерона вполнѣ убѣдила меня, что богатства желать нѣсколько не слѣдуетъ, но еслибы оно пришло, слѣдуетъ распоряжаться имъ мудро и бережливо. Р. А почести? А. Признаюсь, что я только что, и почти на этихъ дняхъ, пересталъ ихъ желать. Р. А жену? Неужели тебя не манитъ по временамъ мечта о женѣ прекрасной, цѣломудренной, послушной, образованной или по крайней мѣрѣ такой, которой бы легко ты могъ дать образованіе самъ, приносящей съ собою столько приданаго (такъ какъ богатство ты презираешь), сколько нужно, чтобы она нѣсколько не обременила тебя собою,—особенно, если бы ты при томъ надѣялся и былъ увѣренъ, что она ничѣмъ не досадитъ тебѣ? А. Какъ ты

ни старасьяся раскрасить ее и надѣлать всяческими благами, я порѣшилъ ничего не избѣгать такъ, какъ сожителства съ женщиною. По моему мнѣнію ничто такъ не лишаетъ твердосги мужественный духъ, какъ женскія прелести и то соприкосновеніе тѣлесное, безъ котораго жена не можетъ обойтись. Поэтому, если забота о дѣтихъ относится къ обязанности мудраго (чего я еще навѣрное не знаю), то всякій, кто ради этого вступаетъ въ сожителство съ женщиною, можетъ быть для меня предметомъ удивленія, но подражанія—ни въ какомъ случаѣ: ибо гораздо болѣе опасностей испытать это, чѣмъ счастья имѣть къ тому возможность. Поэтому я полагаю, что поступилъ довольно справедливо и для свободы души своей полезно, приказавъ себѣ не желать, не искать и не брать жены. Р. Но я не спрашиваю въ настоящемъ случаѣ о томъ, что ты рѣшилъ, а о томъ, не борешься ли ты еще, или уже ты побѣдилъ свое желаніе. Потому что вопросъ идетъ о здоровьи твоихъ глазъ. А. Я вовсе ничего подобнаго не ищу, ничего не желаю; я даже съ ужасомъ и содроганіемъ объ этомъ вспоминаю. Чего тебѣ больше? И такое доброе расположеніе у меня растетъ съ каждымъ днемъ; ибо чѣмъ болѣе увеличивается надежда увидѣть ту красоту, къ которой я пламеннѣю желаніемъ, тѣмъ болѣе къ ней обращается вся любовь и страсть моя. Р. Ну, а пріятность пищи? Насколько ты объ ней заботишься? А. Чего я рѣшился не ѣсть, то не влечетъ меня. А то, отъ чего я не отказался, то, признаюсь, когда есть на лицо, доставляетъ мнѣ удовольствіе, но такъ однакоже, что еслибы было отнято послѣ того, какъ я видѣлъ и потвѣдалъ, не произвело бы во мнѣ душевнаго волненія. А если нѣтъ этого вовсе, желаніе подобнаго рода не осмѣливается проявиться, чтобы помѣшать моимъ размышленіямъ. Да и вообще, относительно ли пищи или питья, или бань и другихъ удовольствій тѣлесныхъ на всякій твой вопросъ могу сказать:

всего этого я желаю имѣть настолько, насколько оно можетъ помогать здоровью.

ГЛАВА XI.

Внѣшними выгодами, не ради ихъ самихъ, а ради другихъ истинныхъ благъ, правильные дозволяютъ себя пользоваться, чѣмъ добиваться ихъ.

Р. Ты сдѣлалъ значительные успѣхи. Однакоже остающееся служить еще очень большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы видѣть оный свѣтъ. Остановлю вниманіе на одномъ, что́, на мой взглядъ, легко доказать; именно: или не должно оставаться ничего, что намъ нужно было бы еще покорять, или мы не сдѣлали рѣшительно никакихъ успѣховъ, и гніеніе то, что мы считаемъ отсѣченнымъ, продолжается. Для примѣра спрошу у тебя,—не пожалѣешь ли ты о богатствѣ и не пожелаешь ли его, если бы убѣдился, что со множествомъ дорогихъ для тебя лицъ ты можешь посвящать свою жизнь изученію мудрости только подъ условіемъ, чтобы извѣстной обширности имѣніе могло удовлетворять вашимъ нуждамъ? А. Съ этимъ я согласенъ. Р. Ну, а если станетъ очевиднымъ, что ты успѣешь многихъ расположить къ мудрости, если твой авторитетъ увеличится твоимъ почетнымъ общественнымъ положеніемъ, и сами друзья твои окажутся не въ состояніи ограничить свои желанія и всецѣло обратиться къ изысканію Бога иначе, какъ если и они получаютъ почетное общественное положеніе, а послѣднее будетъ возможно только подъ условіемъ твоего высокаго общественнаго положенія и сана? Развѣ не слѣдуетъ въ такомъ случаѣ желать и этого, и не слѣдуетъ всячески настаивать, чтобы такъ случилось? А. Ты говоришь вѣрно. Р. О женѣ я, пожадуй, не спору; можетъ быть для взятія ея и не представится такой необходимости: хотя, еслибы ея обширное

имѣніе могло обезпечить содержаніе всѣхъ, съ кѣмъ ты хотѣлъ бы жить покойно въ одномъ мѣстѣ и сама она на то искренно соглашалась, а особенно если бы она была такого знатнаго происхожденія, что чрезъ нее ты легко бы могъ достигнуть того почетнаго положенія, которое призналъ необходимымъ, я не знаю, обязанъ ли ты пренебречь этимъ. А. Развѣ когда нибудь я осмѣлюсь надѣяться на это?

Р. Ты говоришь это такъ, какъ будто я спрашиваю въ настоящемъ случаѣ о томъ, что ты надѣешься. Спрашиваю не о томъ, что не манить къ себѣ потому, что сго мы лишены; а о томъ, что можетъ доставить намъ удовольствіе, когда намъ представится. Ибо иное дѣло зараза вырванная съ корнемъ, и иное — заглушающая. Къ послѣдней примѣнимо сказанное нѣкоторыми учеными мужами: какъ безуміе всѣхъ дураковъ, такъ и дурной запахъ всякой нечистоты чувствуешь не всегда, а когда пошевелишь. Большая разница — уничтожается ли пожеланіе вслѣдствіе безнадёжности душевной, или вслѣдствіе здраваго состоянія. А. Хотя я и не въ состояніи отвѣчать тебѣ, однако ты никогда не убѣдишь меня, чтобы то душевное расположеніе, которое я въ себѣ чувствую, не было съ моей стороны хоть какимъ нибудь успѣхомъ. Р. Полагаю, что это тебѣ кажется потому, что хотя ты и можешь желать означенныхъ вещей, однако онѣ должны быть, на твой взглядъ, желаемы не ради ихъ самихъ, а ради другаго. А. Это именно я и хотѣлъ сказать. Ибо въ былое время, когда я желалъ богатства, я желалъ его для того, чтобы быть богатымъ, и самыхъ почестей, желаніе которыхъ я только что, какъ сказалъ, подавилъ въ себѣ, я хотѣлъ, привлекаемый ни въѣсть какимъ блескомъ ихъ; и когда думалъ я о женѣ, я думалъ всегда ни о чемъ другомъ, какъ о томъ наслажденіи, которое доставитъ она мнѣ съ доброю славою. Въ то время у меня было прямое желаніе всего этого. Теперь же я все это рѣшительно пре-

зираю. Но еслибы доступъ къ тому, чего я желаю, былъ невозможенъ иначе, какъ посредствомъ этого, гнаться для достиженія его не буду, но подчиниться ему готовъ. Р. Прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣдь и я не считаю правильнымъ называть пожеланіемъ извѣстныхъ вещей то, если эти вещи ищутся ради чего либо иного.

ГЛАВА XII.

Все должно быть желаемо лишь настолько, насколько содѣйствуетъ высшему благу, и всего слѣдуетъ бояться лишь настолько, насколько отъ него отвлекаешь.

Но скажи, пожалуйста, для чего ты желаешь, чтобы жили и жили вмѣстѣ съ тобою тѣ люди, которыхъ ты любишь? А. Для того, чтобы вмѣстѣ и согласно изслѣдывать наши души и Бога. Ибо при этомъ условіи первын, которому удастся узнать, безъ труда привести къ тому же остальныхъ. Р. Ну, а если они не желаютъ изслѣдывать это? А. Я постараюсь убѣдить, чтобы они пожелали. Р. А если не будешь въ состояши, или они будутъ думать, что уже знаютъ или нельзя этого знать, или ретрѣтятся къ тому пренятетве въ заботахъ и желаніи другихъ вещей? А. Буду имѣть ихъ, какъ и они меня, такими, какими можно. Р. А если ихъ присутствіе будетъ мѣшать самому изслѣдованію? Не постарайся ли ты и не позаботишься ли,—если иначе они съ тобою быть не могутъ,—чтобы они лучше не были съ тобою, чѣмъ были такъ? А. Признаюсь, ты говоришь правду. Р. Итакъ ихъ жизни и присутствія ты желаешь не ради самой жизни и присутствія, но ради изысканія мудрости? А. Совершенно согласенъ. Р. Ну, а если бы ты убѣдился, что къ пріобрѣтенію мудрости служить пренятетвемъ самая жизнь твоя, пожелалъ ли бы ты ея продолженія? А. Я всячески избѣжалъ бы ее. Р. А еслибы узналъ, что муд-

рости можно достигнуть, какъ оставивъ это тѣло, такъ и пребывая въ немъ, заботился ли бы ты о томъ, здѣсь ли или въ другой жизни наслаждаться тѣмъ, чтó любишь? А. Если узнаю, что со мною ничего не случится худшаго, что лишило бы меня приобретенныхъ мною успѣховъ, я бы не заботился. Р. Стало быть ты теперь боишься умереть изъ опасенія попасть въ какую либо злѣйшую бѣду, которая лишитъ тебя божественнаго знанія? А. Боюсь не только лишения того, чтó я уже узналъ, но и того, чтобы не былъ мнѣ прегражденъ доступъ къ тому, чтó я сильно желаю знать: хотя я и думаю, что то, что я уже имѣю, останется со мною. Р. Итакъ ты желаешь продолженія и самой жизни этой не ради ея самой, но ради мудрости? А. Именно такъ.

Р. Остается болѣзнь тѣлесная, которая, быть можетъ, страшитъ тебя своею собственною силою. А. Нѣтъ, и ся я не боялся бы особенно, еслибы она не мѣшала моимъ изысканіямъ. Хотя этими днями, страдая жестокою зубною болью, я въ состояніи былъ работать мыслию только надъ тѣмъ, что твердо изучилъ, и встрѣчалъ непреодолимое препятствіе изучить то, что мнѣ было нужно въ полное удовлетвореніе душевному стремленію; однако мнѣ казалось, что если бы моему уму блеснулъ оный свѣтъ истины, я или вовсе не чувствовалъ бы той болѣзни, или считалъ бы ее совершенно ничтожною. Но хотя я ничего болѣе сильнаго никогда не испытывалъ, однако размышляя часто, что могутъ случаться болѣзни и всеразненно болѣе тяжкія, я вынужденъ согласиться съ Корнелиемъ Цельсомъ, который говоритъ, что наше высшее благо есть мудрость, а наибольшее зло—болѣзнь тѣлесная. И мнѣ кажется, что умозаключеніе его не лишено смысла. Онъ говоритъ, что поелику мы состоимъ изъ двухъ частей, т. е. изъ души и тѣла, изъ коихъ первая лучшая есть душа, а худшая тѣло: то наивысшее благо лучшей части есть самое наилучшее, а наибольшее зло худшей есть самое наи-

худшее; наилучшее же въ душѣ есть мудрость, наихудшее въ тѣлѣ—болѣзнь. Отсюда, по моему мнѣнію, безъ всякой натяжки выводится заключеніе, что наивысшее человѣческое благо—мудрость, наибольшее зло—болѣзнь. Р. Мы увидимъ это послѣ. Ибо мудрость, которой мы усиливаемся достигнуть, можетъ быть, убѣдить насъ въ другомъ. Если же покажется, что это вѣрно, тогда мы безъ колебанія будемъ держаться этой мысли о наивысшемъ благѣ и наибольшемъ злѣ.

ГЛАВА XIII.

Какимъ образомъ и съ какою постепенностію познается мудрость. Истинная любовь.

Въ настоящее же время разузнаемъ, каковъ ты любитель мудрости, которую ты желаешь видѣть цѣломудреннымъ взоромъ и заключить въ свои чистыя объятія, не допуская никакого покрова, какъ бы пагою,—такою, какою она не позволяетъ себя видѣть и обнимать никому, кромѣ весьма немногихъ и самыхъ избранныхъ своихъ любителей. Вѣдь если бы ты горѣлъ любовью къ какой нибудь прекрасной женщинѣ, она по праву не отдалась бы тебѣ, если бы открыла, что ты любишь что либо другое, кромѣ нея; неужели же чистѣйшая красота мудрости покажетъ тебѣ себя, если ты будешь пламенѣть не ею одною? А. Зачѣмъ до сихъ поръ приводятъ меня несчастнаго въ недоумѣніе и заставляютъ выносить терзанія, достойныя состраданія? Вѣдь я убѣдительно доказалъ, что ничего другаго не люблю, какъ скоро того не любятъ, что любить не ради его самаго. А я люблю ради ея самой только мудрость; все же остальное: жизнь, покой, друзей, я желаю имѣть при себѣ или боюсь не имѣть ради нея. И какія границы можетъ имѣть любовь къ этой красотѣ, въ отношеніи которой я не только не завидую про-

чимъ, но и весьма многихъ побуждаю вмѣстѣ со мною искать ес, вмѣстѣ со мною ея домогаться, вмѣстѣ овладѣвать, и вмѣстѣ со мною наслаждаться; и тѣмъ большими они мнѣ будутъ друзьями, чѣмъ болѣе общю у насъ будетъ наша возлюбленная.

Р. Любите ямъ мудрости вполне причину бытъ таковы. Такихъ нѣтъ она, союзъ съ которою въ истинномъ смыслѣ чистъ и чуждъ всякаго пятна. Но достигаютъ его не однимъ путемъ, потому что всякій овладѣвается эгичъ единственныиъ и негннѣйшимъ благомъ соответственно его личному здоровью и твердости. Оно есгъ нѣкій невыразимый и непостижимый свѣтъ уметвенный. Этотъ обыкновенный свѣтъ, насколько можетъ, учитъ насъ, какимъ образомъ тотъ получаетъ ся. Ибо есгъ нѣкоторые глаза такие здоровые и крѣпкие, что, едва раскроются, безъ всякаго тренега обращаются на самое солнце. Для такихъ самый свѣтъ есгъ нѣкоторымъ образомъ здоровье, и они не нуждаются въ учителѣ, а нуждаются развѣ въ одномъ напоминаннн. Для такихъ достаточно вѣрить, надѣяться, любить. Но другіе болѣзненно поражаются самымъ блескомъ, который горячо желаютъ видѣть, и часто, не увидѣвъ его, съ удовольствіемъ уходятъ обратно во мракъ. Хотя бы они были и таковы, что могли бы по справедливости быть названы здоровыми, однако желать показатъ имъ то, чего они видѣть не въ силахъ, опасно. Поэтому ихъ слѣдуетъ упражнять прежде, а любовь ихъ полезнымъ образомъ сдерживать и питать. Сначала имъ нужно показывать такое, чтó не само собою свѣгитъ, но можетъ быть видимо при помощи свѣта, какъ одежда, или стѣна, или что другое тогоже рода. Затѣмъ показывать такое, чтó, хотя и не само собою, а при помощи свѣта, но издаетъ болѣе приятный блескъ, какъ золото, серебро, и другое подобное, не столько впрочемъ блестящее, чтобы производило боль въ глазахъ. Потомъ, пожалуй, съ нѣкоторою осторожностію слѣ-

дуетъ показать земной огонь, далѣе — звѣзды, потомъ — луну, потомъ блескъ зарп и затѣмъ сіяніе бѣлѣющаго неба. Привыкнувъ съ большею или меньшею скоростію, въ полномъ ли указанномъ порядкѣ, или съ нѣкоторыми пропусками, соотвѣтственно состоянію своего здоровья, всякій уже безъ трепета и съ великимъ наслажденіемъ увидитъ солнце. Нѣчто такого же рода дѣлають и лучшіе учителя для учащихся мудрости и владѣющихъ зрѣніемъ, хотя пока не острымъ. Пбо привести къ ней въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ—дѣло доброй науки; дойти же до ней не въ порядкѣ—дѣло едра вѣроятнаго счастья. Но на сегодня мы, полагаю, написали достаточно; слѣдуетъ поберечь здоровье.

ГЛАВА XIV.

Мудрость сама помогаетъ глазамъ, чтобы они могли ее видѣть.

А. Укажи, пожалуйста, говорю я на другой день, мнѣ этотъ порядокъ. Веди, тyani, куда хочешь, какою дорогою хочешь, какъ хочешь. Приказывай, что хочешь трудное, какое угодно тяжелое, лишь бы оно было въ моей власти, лишь бы посредствомъ его я не сомнѣвался достигнуть того, чего желаю. Р. Есть одно, что я могу тебѣ посовѣтовать; болѣе я не знаю ничего. Именпо, пока живемъ мы въ этомъ тѣлѣ, мы рѣшительно должны избѣгать этого чувственнаго и всячески остерегаться, чтобы липкостію его не склеились наши крылья, которымъ нужно быть вполне свободными и совершенными, чтобы мы могли воспарить къ оному свѣту изъ этойъ тьмы: пбо свѣтъ тотъ не удостоитъ и показаться заключеннымъ въ эту клѣтку, если они не будутъ такими, чтобы могли, разбивъ и разломивъ ее, улѣтѣть въ свои воздушныя области. Поэтому, какъ скоро ты станешь такимъ, что ничто земное не будетъ доставлять тебѣ рѣшительно никакого удовольствія,

повѣрь мнѣ, въ ту же самую минуту, въ тотъ же самый моментъ ты увидишь что желаешь. А. Но скажи, будетъ ли это когда нибудь? Ибо я не думаю, чтобы я могъ дойти до полного презрѣнія этого, прежде чѣмъ увижу то, въ сравненіи съ которыми это окажется грязнымъ.

Р. Такъ же точно могъ бы сказать и этотъ тѣлесный глазъ: Я тогда не стану любить мрака, когда увижу солнце. Кажется, будто и это въ порядкѣ вещей, однако на дѣлѣ оно далеко не такъ. Онъ любитъ мракъ, потому что онъ не въ здоровомъ состояніи; а солнце можетъ видѣть только здоровый. И душа часто обманываетъ себя въ томъ, что считаетъ и представляетъ сама себя здоровою; и поелику не видитъ еще, считаетъ себя какъ бы въ правѣ жаловаться. Но та красота знаетъ, когда ей показать себя. Ибо она сама отправляетъ должность врача, и знаетъ, кто здоровъ, лучше, чѣмъ тѣ сами, кого она лечитъ. Мы же, насколько старались вынырнуть, думали о себѣ, что видимъ; но насколько мы были погружены и насколько успѣли подняться, мы не можемъ ни обсудить, ни чувствовать, и считаемъ себя здоровыми только сравнительно съ болѣе тяжкою болѣзнію. Не замѣтилъ ли ты, съ какою увѣренностію мы высказались вчера, что мы не одержимы уже никакою заразою и что не любимъ ничего, кромѣ мудрости, и если ищемъ и желаемъ остального, то только ея ради? Какими грязными, какими мерзкими, какими отвратительными, какими ужасными казались тебѣ объятія женщины, когда мы разсуждали между собою о желаніи жены! А между тѣмъ, бодрствуя этою ночью, когда мы снова передумывали съ тобою тоже самое, ты чувствовалъ вѣдь, что эти воображаемыя прелести и раздражающая пріятность щекотали тебя иначе, чѣмъ ты предполагалъ; все это конечно далеко менѣе, чѣмъ обыкновенно, но въ тоже время и далеко не такъ, какъ ты думалъ; такъ что оный таинственнѣйшій врачъ показалъ тебѣ

этимъ и то и другое, именно—отъ чего благодаря его помощи освободился и что остается еще излечить.

А. Молчи, пожалуйста, молчи. Чего ты меня мучишь? За чѣмъ роешь и проникаешь такъ глубоко? Я уже не удерживаю слезъ, уже ничего не общаю, ничего не предполагаю, лишь бы ты не спрашивалъ меня объ этихъ вещахъ. Ты правду говоришь, что онъ, кого я страстно желаю видѣть, онъ самъ узнаеть, когда я буду здоровъ; сдѣлаеть, что ему угодно; покажетъ себя, когда ему заблагоразсудится; я уже предоставляю себя всецѣло его милости и попеченію. Я увѣровалъ разъ навсегда, что онъ не перестаетъ оказывать такого рода помощь расположеннымъ къ нему. О своемъ здоровьи я не скажу ничего, пока не увижу той красоты. Р. Иного ничего и не дѣлай. Но отъ слезъ удержиись, и скрѣпи свое сердце. Ты слишкомъ много плакалъ, а это слишкомъ тяжело отзывается на твоей больной груди. А. Ты хочешь, чтобы я зналъ мѣру своимъ слезамъ, когда своему несчастью я мѣры не знаю? Или велишь мнѣ принимать въ соображеніе здоровье тѣла, когда самъ я разрушенъ тѣлѣніемъ? Но прошу тебя, если имѣешь какую нибудь власть надо мною, води меня путемъ кратчайшимъ, води въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ близости къ тому свѣту, который, буде я оказалъ какіе нибудь усѣхи, я могу уже выносить. Досадно обращать глаза къ тому мраку, который оставилъ; если только можно назвать оставленнымъ то, что смѣетъ еще ласкать мою слѣпоту.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ познается душа. Довѣренность къ Богу.

Р. Закончимъ, если угодно, эту первую книгу, чтобы потомъ уже во второй вступить на новый путь, который

окажется удобнымъ. Настоящее расположеніе духа твоего не должно быть оставляемо безъ умѣреннаго упражненія. А. Я рѣшительно не позволю закончить эту книгу, если ты не покажешь мнѣ хоть немногого изъ смежности того свѣта, къ которому я стремлюсь. Р. Врачъ тотъ, о которомъ мы говорили, исполняетъ твою волю. Какое-то, не знаю, озареніе побуждаетъ и толкаетъ меня, чтобы я тебя вель. Слушай же внимательно. А. Веди, пожалуйста, и тщи, куда хочешь. Р. Правду ли ты говоришь, что хочешь познать душу и Бога? А. Къ этому направлены всѣ мои усилія. Р. А болѣе ни къ чему? А. Ни къ чему рѣшительно. Р. Ну, а истины ты не хочешь познать? А. А развѣ могъ бы я безъ нея узнать то? Р. Итакъ прежде слѣдуетъ узнать ее, потому что черезъ нее можно узнать остальное. А. Не отрицаю. Р. Разсмотримъ же во первыхъ слѣдующее. Есть два слова: истина и истинное. Какъ тебѣ кажется, двѣ ли вещи обозначаются этими словами, или одна? А. Мнѣ кажется—двѣ. Потому что иное дѣло чистота, и иное—чистое, какъ и многое другое въ томъ же родѣ; такъ точно думаю я, что иное есть истина, и иное то, что называется истиннымъ. Р. А что изъ этихъ двухъ ты считаешь болѣе превосходнымъ? А. Думаю, что истина. Ибо не отъ чистаго зависитъ чистота, а отъ чистоты чистое; такъ и то, что истинно, истинно въ силу истинны.

Р. Ну, а если умереть ктонибудь чистый, полагаешь ли ты, что умерла и чистота? А. Никонимъ образомъ. Р. Итакъ, если погибнетъ что либо истинное, истина не погибнетъ? А. Но какимъ образомъ погибнетъ чтонибудь истинное? Этого я не понимаю. Р. Удивляюсь твоему вопросу. Развѣ передъ нашими глазами не погибаютъ тысячи вещей? Или, быть можетъ, ты думаешь, что это дерево, хотя и есть дерево, но не есть истинное дерево, или въ дѣйствительности не можетъ погибнуть? Хотя бы ты чувствалъ и не вѣрилъ, и могъ бы отвѣчать, что ты рѣшительно не знаешь дерево

ли это; однако ты, полагаю, не станешь отрицать, что оно дерево истинное, если дерево: ибо объ этомъ судимъ не чувствомъ, а умомъ. Ибо если оно дерево ложное, то оно не дерево; если же оно дерево, то по необходимости оно будетъ дерево истинное. А. Соглашаюсь съ этимъ. Р. Ну, а съ другимъ? Не согласенъ ты, что дерево относится къ тому роду вещей, который рождается и погибаетъ? А. Не могу отрицать. Р. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что погибаетъ нѣчто, что есть истинное. А. Не противорѣчу. Р. А далѣе? Не кажется ли тебѣ, что истина не гибнетъ, когда гибнутъ вещи истинныя, какъ не умираетъ чистота, когда умираетъ чистый? А. Теперь согласенъ я и съ этимъ, и съ нетерпѣніемъ жду, что предпримешь далѣе. Р. Слушай же. А. Слушаю.

Р. Кажется ли тебѣ истиннымъ слѣдующее положеніе: То, что существуетъ, по необходимости существуетъ гдѣ нибудь? А. Ни съ чѣмъ я не согласенъ до такой степени. Р. Но признаешь ли ты, что истина существуетъ? А. Признаю. Р. Итакъ намъ необходимо найти, гдѣ она существуетъ; ибо она не существуетъ въ пространствѣ, если въ пространствѣ не существуетъ ничего, кромѣ тѣла: развѣ не считаешь ли ты истину тѣломъ? А. Ничего подобного я не думаю. Р. Итакъ гдѣ же, полагаешь ты, существуетъ она? Вѣдь мы согласились, что то, что существуетъ, не есть нигдѣ. А. Еслибы я зналъ, гдѣ она, я ничего быть можетъ болѣе не искалъ бы. Р. Но можешь по крайней мѣрѣ узнать, гдѣ ея нѣтъ? А. Если напомнимъ, быть можетъ и буду въ состояніи. Р. Ея нѣтъ конечно въ вещахъ смертныхъ. Ибо то, что существуетъ, не можетъ пребывать въ чемъ либо, если не пребываетъ то, въ чемъ оно существуетъ; но истина, какъ мы не задолго передъ этимъ соглашались, пребываетъ, хотя вещи истинныя и гибнутъ. Итакъ истина существуетъ не въ смертныхъ вещахъ. Однакоже она существуетъ, и существуетъ не нигдѣ. Слѣовательно есть вещи безсмертныя. Ничто однакоже не истинно, въ чемъ

вѣтъ истины. Отсюда слѣдуетъ, что истинно только то, что безсмертно. Притомъ, всякое ложное дерево не есть дерево, и ложное бревно не есть бревно, и ложно серебро не есть серебро, и все вообще ложное не существуетъ. Все же, что не истинно, есть ложное. Итакъ истинѣ существующимъ можетъ быть названо только безсмертное. Обсуди внимательно самъ съ собою этотъ выводъ, чтобы не показалось тебѣ, что съ чѣмъ нибудь тебѣ не слѣдовало соглашаться. Если онъ вѣренъ, мы покончили почти все свое дѣло; впрочемъ это лучше уяснится въ другой книгѣ.

А. Благодарю, и какъ самъ съ собою, такъ потомъ и съ тобою, въ тишинѣ, обсужу это внимательно и осмотрительно, если не набѣжитъ никакой мракъ и не заставитъ меня, чего я весьма боюсь, находить удовольствіе въ немъ самомъ. Р. Твердо вѣрь въ Бога и предайся Ему, насколько можешь, всецѣло. Не желай такъ сказать принадлежать себѣ самому и быть самовластнымъ; но признай себя рабомъ этого милостивѣйшаго и полезнѣйшаго Господина. Въ такомъ случаѣ Онъ не перестанетъ тебя возвышать къ Себѣ, и не допустить, чтобы съ тобою случилось что нибудь, кромѣ полезнаго для тебя, хотя бы и безъ твоего вѣдома. А. Слышу. вѣрю, и, насколько могу, повинуюсь, и Его же усердно молю, чтобы могъ я возможно больше; развѣ не потребуешь ли отъ меня еще чего? Р. Пока достаточно; сдѣлаешь послѣ, что велитъ уже Онъ самъ, когда увидишь Его.

МОНОЛОГЪ, книга 2.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ этой книгѣ блаж. Августинъ пространно разсуждаетъ самъ съ собою объ истинномъ и ложномъ, чтобы, разъяснивъ съ обстоятельностью вѣчное бытіе истины, вывести заключеніе, что и сама душа человека, которая есть съдѣлище истины, бессмертна.

ГЛАВА I.

О бессмертіи человека.

А. Наши занятія были прерваны довольно на долгое время, а между тѣмъ любовь нетерпѣлива, и слезамъ нѣтъ мѣры, если любви не даютъ того, что она любить. Начнемъ поэтому вторую книгу. Р. Начнемъ. А. Будемъ вѣрить, что намъ поможетъ Богъ. Р. Разумѣется, будемъ вѣрить, если хоть это къ нашей власти. А. Наша власть Онъ самъ. Р. Въ такомъ случаѣ обратись къ Нему, насколько можешь, съ молитвою самою краткою и совершенною. А. Боже, который всегда тотъ же, пусть я узнаю себя, пусть я узнаю Тебя!—Я помолился. Р. Ты, который желаешь знать себя, знаешь ли ты, что существуешь? А. Знаю. Р. Откуда же знаешь? А. Не знаю. Р. Простымъ ли ты себя чувствуешь, или сложнымъ? А. Не знаю. Р. Знаешь ли ты, что ты движешься? А. Не знаю. Р. Знаешь ли ты, что ты мыслишь? А. Знаю. Р. Итакъ то истинно, что ты мыслишь? А. Истинно. Р. Знаешь ли, что ты бессмертенъ? А. Не знаю. Р. Изъ всего того, чего, по словамъ твоимъ, ты не знаешь, что желаешь ты знать прежде всего? А. Бессмертенъ ли я. Р. Итакъ ты любишь жизнь? А. Признаюсь. Р. А если ты узнаешь, что ты бессмертенъ, достаточно ли этого будетъ? А. Хотя это будетъ и много, но для меня этого мало. Р. Однако же насколько ты будешь радъ этому малому? А. Весьма много. Р. Плакать уже не будешь? А. Рѣшительно

нѣтъ. Р. Ну, а если самая жизнь окажется такою, что въ ней нельзя будетъ узнать тебѣ ничего болѣе того, что ты знаешь? Удержишься ты отъ слезъ? А. Напротивъ, буду плакать такъ, какъ бы не было самой жизни. Р. Стало быть ты любишь жизнь не ради самой жизни, но ради знанія. А. Согласенъ съ заключеніемъ. Р. А если тоже самое знаніе вещей сдѣлаетъ тебя несчастнымъ? А. Думаю, что это ни-
кимъ образомъ не можетъ случиться. Но если это такъ, то блаженнымъ не можетъ быть никто; потому что если я теперь несчастенъ, то не вслѣдствіе чего иного, какъ только незнанія вещей. Если же и знаніе вещей дѣлаетъ несчастнымъ, то несчастіе вѣчно. Р. Теперь я вижу вполне, чего ты хочешь. Такъ какъ ты думаешь, что знаніе ничего не дѣлаетъ несчастнымъ, изъ чего съ вѣроятностію выводится заключеніе, что познаніе дѣлаетъ блаженнымъ; блаженнымъ же можетъ быть только живущій, а живетъ только тотъ, кто существуетъ: то ты желаешь существовать, жить и познавать; но—существовать, чтобы жить,—жить, чтобы познавать. Итакъ ты знаешь, что существуешь; знаешь, что живешь; знаешь, что познаешь. Но желаешь знать, всегда ли будетъ все это, или ничего этого не будетъ, или что останется всегда, а нѣчто исчезнетъ, или оставаясь вообще, все это уменьшится или увеличится. А. Именно такъ. Р. Итакъ, если мы докажемъ, что будемъ жить всегда, будетъ изъ этого слѣдовать, что мы всегда будемъ и существовать? А. Будетъ слѣдовать. Р. Останется вопросъ о познаніи.

ГЛАВА II.

Истина пребываетъ вечно.

А. Я нахожу этотъ порядокъ самымъ яснымъ и самымъ короткимъ. Р. Будь же готовъ съ осмотрительностію и твердостію отвѣчать на мои вопросы. А. Готовъ. Р. Если

этотъ міръ останется навсегда, истинно ли будетъ, что этотъ міръ имѣеть пребывать всегда? А. Кто въ этомъ усумнится? Р. Ну, а если не останется? Не также ли точно будетъ истинно, что міръ не будетъ пребывать? А. Не отвергаю. Р. А когда погибнетъ, если имѣеть погибнуть? Не будетъ ли тогда истинно то, что міръ погибъ? Ибо пока не будетъ истинно, что міръ исчезъ, онъ не исчезнетъ; такъ какъ этимъ отрицается, чтобы міръ исчезъ, и не будетъ истинно, чтобы міръ исчезъ. А. Соглашаюсь и съ этимъ. Р. Ну, а съ этимъ? Можетъ ли, по твоему мнѣнію, что либо быть истиннымъ, если истины не будетъ? А. Никонимъ образомъ. Р. И такъ истина будетъ, хотя бы и міръ погибъ? А. Не могу отрицать. Р. А если исчезнетъ сама истина, не будетъ ли истинно, что истина исчезла? А. Кто станетъ и это отвергать? Р. Но истиннаго не можетъ быть, если истины не будетъ. А. Съ этимъ я уже согласился прежде. Р. Слѣзательно истина не исчезнетъ никонимъ образомъ. А. Продолжай, какъ началъ, потому что ничего не можетъ истиннѣе такихъ выводовъ.

ГЛАВА III.

Если ложность будетъ всегда, а безъ чувства она быть не можетъ, то отсюда слѣдуетъ, что всегда будетъ существовать какая нибудь душа.

Р. Теперь я желаю бы, чтобы ты отвѣтилъ, душа ли, по твоему мнѣнію, чувствуетъ, или тѣло? А. По моему мнѣнію, душа. Р. А кажется ли тебѣ, что умъ относится къ душѣ? А. Вполнѣ кажется. Р. Къ одной ли душѣ, или и къ другому чему? А. Кромѣ души и Бога я не представляю ничего, въ чемъ могъ бы допустить существованіе ума. Р. Теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее. Если бы тебѣ сказалъ кто нибудь, что эта стѣна не стѣна, а дерево; что бы ты подумалъ? А. Подумалъ бы, что или его,

или мое чувство лжетъ, или что онъ этимъ именемъ называется стѣну. Р. Ну, а еслибы ему стѣна представлялась въ видѣ дерева, а тебѣ въ видѣ стѣны? Развѣ то и другое не могло бы быть истиннымъ? А. Никимъ образомъ; потому что одна и таже вещь не можетъ быть и стѣною и деревомъ. Какъ скоро каждому изъ насъ отдѣльно представляется особенное, то несомнѣнно, что одинъ изъ насъ имѣетъ представленіе ложное. Р. А если то и не стѣна, и не дерево, и вы оба обманываетесь? А. Можетъ быть и это. Р. Но ты прежде не допускалъ этого. А. Сознаюсь. Р. Ну, а если вы узнаете, что оно кажется вамъ иначе, чѣмъ есть? Неужели вы и тогда обманываетесь? А. Нѣтъ. Р. Итакъ возможно, что и представляющееся будетъ ложнымъ, и не будетъ обманываться тотъ, кому оно представляется? А. Возможно. Р. Стало бы слѣдуетъ признать, что не тотъ обманывается, кто видитъ ложное, а тотъ, кто довѣряетъ ложному? А. Слѣдуетъ признать вполнѣ. Р. А что такое само ложное, и почему оно ложно? А. Ложное то, что существуетъ иначе, чѣмъ кажется. Р. Поэтому, если нѣтъ тѣхъ, кому бы оно могло бы казаться, то нѣтъ и ложнаго? А. Заключение вѣрное. Р. Итакъ ложность не въ вещахъ, а въ чувствѣ. Но тотъ не обманывается, кто не довѣряетъ ложному. Отсюда слѣдуетъ, что иное дѣло мы, и иное—чувство: потому что когда оно обманывается, мы можемъ не обманываться. А. Не имѣю чего возразить. Р. Но когда обманывается душа, рѣшишься ли ты утверждать, что ложнаго нѣтъ? А. Какимъ образомъ рѣшился бы я на это? Р. Но чувства нѣтъ безъ души, какъ нѣтъ и ложности безъ чувства. Душа или производитъ ложность, или содѣйствуетъ ложности. А. Предыдущее вынуждаетъ согласиться съ этимъ.

Р. Теперь отвѣтъ мнѣ, можетъ ли, по твоему мнѣнію, быть, что ложности когда нибудь не будетъ? А. Какимъ образомъ я могу быть такого мнѣнія, когда дойти до истины

такъ трудно, что сказать, что ложности быть не можетъ, гораздо несообразнѣе, чѣмъ сказать, что не можетъ быть истины? Р. Полагаешь ли ты, что можетъ чувствовать тотъ, кто не живетъ? А. Этого быть не можетъ. Р. Отсюда слѣдуетъ, что душа живетъ вѣчно. А. Ты слишкомъ быстро заставляешь меня радоваться: помаленьку, пожалуйста. Р. Но если мы справедливо согласились съ сказаннымъ, то я не вижу, почему бы слѣдовало сомнѣваться въ этомъ. А. Я говорю—слишкомъ быстро. Отъ этого скорѣе приду къ мысли, что согласился съ чѣмъ нибудь необдуманно, чѣмъ останусь въ убѣжденіи относительно безсмертія души. Развей по крайней мѣрѣ свое заключеніе, и покажи, какъ оно выведено. Р. Ты сказалъ, что ложность не можетъ быть безъ чувства, а она не быть не можетъ; слѣдовательно чувство существуетъ всегда. Но чувства нѣтъ безъ души; слѣдовательно душа вѣчна. Она не въ состояніи чувствовать, если не будетъ жить. Итакъ душа живетъ вѣчно.

ГЛАВА IV.

Можетъ ли безсмертіе души быть выводимо изъ непрерывнаго существованія ложности или истины.

А. Жалкое доказательство! Вѣдь ты могъ бы вывести заключеніе, что и человѣкъ безсмертенъ, если бы я согласился съ тобою, что этотъ міръ никогда не можетъ быть безъ человѣка, а міръ этотъ продолжить свое существованіе навсегда. Р. Ты весьма осмотрителенъ. Однако заключеніе наше, что природа вещей не можетъ существовать безъ души, развѣ только въ природѣ вещей когда нибудь можетъ ложности не быть, имѣть свое значеніе. А. Это заключеніе я признаю правильнымъ. Но полагаю, что слѣдуетъ обстоятельнѣе осмотрѣть, достаточно ли твердо то, въ чемъ мы выше согласились. По моему мнѣнію, въ заключеніи о без-

смерти души мы сдѣлали большой шагъ. Р. Достаточно ли ты обдумывалъ, чтобы не сдѣлать легкомысленной уступки? А. Пожалуй, что и достаточно, и не нахожу, за что сталъ бы я упрекать себя въ безразсудствѣ. Р. Слѣдовательно правильно заключеніе, что природа вещей не можетъ существовать безъ живой души? А. Правильно въ томъ смыслѣ, что однѣ души поочередно могутъ рождаться, другія умирать. Р. Но еслибы ложность была устранена изъ природы вещей: не случится ли такъ, что все будетъ истиннымъ? А. Полагаю, что это будетъ такъ. Р. Скажи, почему тебѣ кажется, что эта стѣна истинная стѣна? А. Потому что видѣя не обманываетъ меня. Р. Стало быть потому, что она такою есть. какою кажется? А. Да. Р. Слѣдовательно, если что нибудь потому ложно, что кажется иначе, чѣмъ оно есть и потому истинно, что такъ есть, какъ кажется: то какъ скоро пѣтъ того, кому оно кажется, не будетъ ни ложнаго, ни истиннаго. Но если ложности пѣтъ въ природѣ вещей, то все истинно. Казаться же что либо можетъ только душѣ живущей. Итакъ душа продолжаетъ свое существованіе въ природѣ вещей, если ложность устранена быть не можетъ; продолжаетъ—если и можетъ. А. Хотя этотъ выводъ сдѣлавъ, на мой взглядъ, тверже, однако это добавленіе не подвинуло насъ впередъ. Представившееся мнѣ очень серьезное возраженіе остается въ своей силѣ, т. е. что души рождаются и умираютъ, и если онѣ не перестаютъ существовать въ мірѣ, то это достигается не безсмертіемъ ихъ, а вступленіемъ одной на мѣсто другой.

Р. Кажется ли тебѣ, что тѣлесное, т. е. чувственное, можетъ быть постигаемо умомъ? А. Нѣтъ, не кажется. Р. Почему такъ? Не думаешь ли ты, что Богъ пользуется для познанія вещей чувствами? А. Я не осмѣлюсь сказать что либо утвердительною образомъ по этому предмету; но насколько позволительно предполагать, думаю, что Богъ от-

нюдь не пользуется чувствами. Р. Отсюда мы заключаемъ, что чувствовать можетъ только душа. А. Заключай, пожалуйста, насколько то допускаетъ вѣроятность. Р. Почему такъ? Согласенъ ли ты, что эта стѣна, если она не есть истинная стѣна, не есть стѣна? А. Согласенъ болѣе, чѣмъ съ чѣмъ либо другимъ. Р. И что то не есть тѣло, что не есть тѣло истинное? А. И съ этимъ также. Р. Итакъ, если истинно только то, что такъ есть, какъ оно кажется; если все тѣлесное можетъ быть видимо только чувствами; если чувствовать можетъ только душа; если то не можетъ быть тѣломъ, что не есть истинное тѣло: то отсюда слѣдуетъ, что тѣла быть не можетъ, если не будетъ души. А. Твои доказательства чрезвычайно сильны, и не имѣю ничего, что могъ бы противопоставить имъ.

ГЛАВА V.

Что такое истинное.

Р. Вникни внимательнѣе въ слѣдующее. А. Готовъ. Р. Этотъ камень дѣйствительно существуетъ; и онъ камень истинный, если существуетъ не иначе, чѣмъ кажется; и онъ не камень, если не есть камень истинный; и видимъ онъ можетъ быть только чувствами. А. Точно такъ. Р. Слѣдовательно камней нѣтъ въ сокровеннѣйшемъ лонѣ земли, и вообще вездѣ, гдѣ нѣтъ тѣхъ, которые чувствовали бы. Да и этого самаго камня не было бы, если бы мы его не видѣли; и онъ перестанетъ быть камнемъ, когда мы уйдемъ и никто другой стоя здѣсь, не будетъ его видѣть. Если ты замкнешь шкафъ, то хоть и многое будетъ въ немъ заперто, не будетъ въ немъ ничего. И самое дерево внутри не есть дерево. Ибо все, что есть въ глубинѣ непрозрачнаго тѣла, ускользаетъ отъ всѣхъ чувствъ, и потому вполне сводится къ ничтожеству. Ибо если бы оно было, оно было бы

истинно; истинно же то, что существуетъ такъ, какъ кажется; но оно не кажется; слѣдовательно оно не есть истинное. Или ты можешь быть имѣешь что возразить противъ этого? А. Я вижу, что это вытекаетъ изъ того, съ чѣмъ я прежде согласился; но оно такъ несообразно, что я готовъ скорѣе отказаться отъ чего либо изъ прежняго, чѣмъ признать истиннымъ это. Р. Изволь. Въ такомъ случаѣ обрати вниманіе на то, что хотѣлъ ты сказать выраженіями: тѣлесное можетъ быть усматриваемо только чувствами, или что чувствовать можетъ только душа, или что камень и что другое существуетъ, но не есть истинное; или не слѣдуетъ ли иначе опредѣлить истинное. А. Разсмотримъ, пожалуйста, вотъ это послѣднее.

Р. Въ такомъ случаѣ опредѣли, что такое истинное. А. Истинное есть то, что существуетъ такъ, какъ кажется познающему, если онъ хочетъ и можетъ познавать. Р. Слѣдовательно то не будетъ истиннымъ, чего никто не можетъ познать? Затѣмъ, если ложное есть то, что кажется иначе, чѣмъ какъ оно есть: то что если этотъ камень одному кажется камнемъ, а другому кускомъ дерева? Не будетъ ли одна и таже вещь и ложною и истинною? А. Меня болѣе озадачиваетъ первое, именно: какимъ образомъ изъ того, что какой либо предметъ не можетъ быть познанъ, выходить, что онъ не есть истинный. О томъ же, что одна и таже вещь есть вмѣстѣ и истинная и ложная, я особенно не забочусь. Ибо я вижу, что одна и таже вещь, если сравнить ее съ разными другими, въ одно и тоже время бываетъ и большею и меньшею. Но изъ этого выходитъ лишь то, что само по себѣ ничто ни большее, ни меньшее. Потому что это названія, даваемые по сравненію. Р. Но когда говоришь, что ничто не истинно само по себѣ, ты не описался, что изъ этого будетъ слѣдовать, что ничто не существуетъ само по себѣ? Вѣдь какъ скоро это дерево существуетъ, оно

потому самому есть и дерево истинное. Да и быть не можетъ, чтобы, будучи деревомъ само по себѣ, т. е. безъ познающаго, оно не было деревомъ истиннымъ. А. Послѣ этого я выражусь и опредѣлю такъ (безъ опасенія упрека моему опредѣленію за его чрезмѣрную краткость): истинное, по моему мнѣнію, то, что существовать. Р. Въ такомъ случаѣ ничто не будетъ ложнымъ; потому что все, что ни есть, есть истинное. А. Ты поставилъ меня въ величайшее затрудненіе; я рѣшительно не нахожу, что отвѣчать тебѣ. Хотя я и желалъ бы, чтобы ты училъ меня подобными вопросами, но послѣ этого боюсь уже и вопросовъ.

ГЛАВА VI.

Откуда ложность и гдѣ она.

Р. Богъ, которому мы предали себя. безъ всякаго сомнѣнія подастъ намъ помощь и освободитъ отъ этого затрудненія, если только мы будемъ вѣровать въ Него и усерднѣйшимъ образомъ помолимся Ему. А. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ я ничего не сдѣлаю съ большею готовностію: потому что никогда еще не окружалъ меня такой мракъ. — Боже, Отецъ нашъ, который и увѣщавашъ насъ молиться Тебѣ, и подаешь то, о чемъ Тебя просятъ; если только мы, когда Тебя просимъ, живемъ лучше и бываемъ лучше: услышь меня метавшагося въ этомъ мракѣ и простри мнѣ десницу Твою. Покажи мнѣ свѣтъ твой, вызови меня изъ заблужденій: пусть подъ твоимъ руководствомъ возвращусь я къ себѣ и къ Тебѣ. Аминь. Р. Не отвлекайся же, насколько можешь, слушай самымъ внимательнымъ образомъ. А. Говори, пожалуйста, если тебѣ что либо представилось, чтобы намъ не изнывать. Р. Не отзлекайся. А. Вотъ я уже не занятъ ничѣмъ другимъ.

Р. Прежде всего потолкуемъ еще и еще о томъ, что такое ложное. А. Я удивился бы, если бы ложнымъ было

чтолибо другое, а не то, что существует не такъ, какъ кажется. Р. Лучше слушай, и прежде всего спросимъ самыя чувства. Вѣдь то, что видятъ глаза, не называется ложнымъ, если не имѣть какого либо сходства съ истиннымъ. Напримѣръ, человѣкъ, котораго мы видимъ во снѣ, не есть человѣкъ истинный, а ложный потому самому, что имѣть сходство съ истиннымъ. Ибо кто, увидѣвъ собаку, могъ бы по совѣсти сказать, что видѣлъ во снѣ человѣка? И собака эта ложная потому, что похожа на истинную. А. Это такъ. Р. Ну, а если бодрствуя кто нибудь, увидѣвъ коня, подумалъ бы, что видитъ человѣка? Не потому ли обманулся бы онъ, что ему представилось нѣчто похожее на человѣка? Ибо если бы ему представился только видъ лошади, онъ не могъ бы подумать, что видитъ человѣка. А. Согласенъ вполне. Р. Также точно мы называемъ ложнымъ то дерево, которое видимъ нарисованнымъ, ложнымъ то лицо, которое отражается въ зеркалѣ, ложнымъ движеніе зданій, кажущееся плавающимъ, и ложнымъ изломъ весла, не почему другому, какъ по сходству съ истиннымъ. А. Это такъ. Р. Также точно мы обманываемся и въ близнецахъ, и въ янцахъ, и въ отдѣльныхъ печатяхъ, сдѣланныхъ однимъ и тѣмъ же кольцомъ, и въ остальныхъ предметахъ такого же рода. А. Раздѣляю это мнѣніе вполне и соглашаюсь съ нимъ. Р. Следовательно сходство вещей, дѣйствующее на глаза, есть мать ложности. А. Не могу отрицать.

Р. Но вся эта масса сходствъ, если не ошибаюсь, можетъ быть раздѣлена на два рода. Ибо сходства бываютъ частію въ вещахъ равныхъ, частію въ вещахъ худшихъ. Равенство бываетъ тогда, когда мы говоримъ, что это также похоже на то, какъ и то на это, какъ на примѣръ сказано нами о близнецахъ или отпечаткахъ кольца. Къ худшимъ же относятся тѣ случаи, когда мы худшее называемъ похожимъ на лучшее. Ибо кто,

посмотрѣвъ въ зеркало, скажетъ по совѣсти, что онъ похожъ на то изображение, а не оно на него? Этотъ послѣдній родъ проявляется частію въ состояніяхъ душевныхъ, частію же въ тѣхъ вещахъ, которыя представляются наблюденію. Но и то, что совершается въ душѣ, частію совершается въ чувствахъ, какъ движеніе зданій напр , котораго въ дѣйствительности нѣтъ, частію — въ ней самой въ силу того, что она получила отъ чувствъ, каковы образы въ сновидѣніяхъ, а можетъ быть и въ безуміи. Далѣе, сходства, которыя оказываются въ самыхъ вещахъ, видимыхъ нами, одни выльпливаются и отливаются самою природою, другія существами одушевленными. Природа производитъ худшія подобія путемъ рожденія или отраженія. Путемъ рожденія, когда дѣти рождаются похожими на родителей; путемъ отраженія, какъ въ зеркалахъ разнаго рода. Ибо хотя и люди дѣлаютъ множество зеркалъ, однако не сами они рисуютъ тѣ образы, какіе зеркалами отражаются. Произведеіе существъ одушевленныхъ мы имѣемъ въ живонисныхъ картинахъ и въ другихъ такого же свойства изображеніяхъ; къ тому же роду могутъ быть отнесены и тѣ образы, которые бывають дѣломъ демоновъ, если только они бывають дѣйствительно. Тѣни же тѣлъ, какъ скоро онѣ не слишкомъ удаляются отъ самаго предмета, такъ что удерживають подобіе тѣлъ и называются какъ бы ложными тѣлами, давая глазамъ охватить себя. слѣдуетъ отнести къ тому роду, который производитъ природа чрезъ отраженіе. Ибо всякое тѣло, выставленное на свѣтъ, отражаетъ его и отбрасываетъ въ противоположную сторону тѣнь. Или ты находишь, быть можетъ, какое нибудь возраженіе противъ этого? А. Возраженія я не нахожу. Но съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, къ чему это клонится.

Р. Пужно ждать терпѣливо, пока и остальные чувства дадутъ намъ знать, что ложность гнѣздится въ подобіи истинному. Ибо и въ области слуха является столько же почти родовъ сходства: напримѣръ, когда слыша голосъ говоряща-

го, невидимаго для насъ, мы принимаемъ его за кого либо другого, на котораго онъ похожъ голосомъ; образцемъ же сходства въ худшихъ вещахъ служить напримѣръ эхо, или звонъ въ самихъ же ушахъ, или нѣкоторое подражаніе дрозду или ворону въ часахъ, или въ томъ, что представляютъ себѣ, будто слышать, видящіе сны или помѣшанные. А такъ называемые у музыкантовъ фальшивые тоны до невѣроятной степени, какъ это окажется послѣ, служатъ подтвержденіемъ истинѣ; но для настоящаго случая довольно и того, что и сами они не далеко отъ сходства съ тѣми тонами, которые называются истинными. Соглашася съ этимъ? А. Даже весьма охотно. Потому что я нисколько не затрудняюсь въ пониманіи этого. Р. Въ такомъ случаѣ, — чтобы долго не останавливаться, — кажется ли тебѣ, что можно легко различить лилію отъ лиліи по запаху, или тминный медъ отъ тминнаго же меда изъ разныхъ ульевъ по вкусу, или пухъ лебяжій отъ пуха гусинаго по осязанію? А. Не кажется. Р. А если намъ пригнётся, что мы такого свойства предметы обоняемъ, или вкушаемъ, или осязаемъ? Не обманетъ ли насъ это подобіе образовъ тѣмъ худшее, чѣмъ болѣе оно пустое? А. Ты правду говоришь. Р. Итакъ очевидно, что мы обманываемся во всѣхъ чувствахъ, ободыщаемые сходствомъ или между вещами равными, или худшими; или если не обманываемся, удерживаясь отъ довѣрія или замѣчая различіе, должны называть вещами ложными тѣ, которыя считаемъ за истинно-подобныя. А. Не могу въ этомъ сомнѣваться.

ГЛАВА VII.

Объ истинномъ и подобномъ. Почему сочиненіе названо Монологами.

Р. Теперь усиль свое вниманіе, такъ мы снова вернемся къ тому же предмету, чтобы сдѣлать болѣе очевиднымъ, что

стараемся показать. А. Слушаю, говори что тебѣ угодно. Я рѣшилъ для себя разъ навсегда терпѣливо относиться къ этому кругообращенію и не почувствую на этотъ разъ усталости, поддерживаемый надеждою достигнуть того, къ чему мы стремимся. Р. Хорошо дѣлаешь. Но внимни внимательнѣе, въ томъ случаѣ, когда мы видимъ похожія одно на другое яйца, можемъ ли мы какое либо изъ нихъ по справедливости назвать ложнымъ? А. Мнѣ кажется нѣтъ. Потому что если всѣ они яйца, то они яйца истинныя. Р. Ну, а если видимъ образъ, отраженный зеркаломъ? По какимъ признакамъ мы узнаемъ, что онъ ложный? А. А по тѣмъ, что его не познаемъ, что онъ не отзывается, что самъ собою не движется, что не живетъ, и по другимъ безчисленнымъ, которые пересчитывать было бы долго. Р. Вижу, что тебѣ не хочется медлить, и готовъ подчиниться твоей торопливости. Итакъ,—чтобы не останавливаться снова на частностяхъ,—назовемъ ли мы ложными людьми тѣхъ, которыхъ видимъ во снѣ, если бы они могли жить, говорить, быть удерживаемы бодрствующими, и если бы не было никакого различія между ними и тѣми людьми, съ которыми мы разговариваемъ и которыхъ видимъ проснувшись и въ здоровомъ состояніи? А. На какомъ основаніи мы могли бы ихъ такъ назвать? Р. Слѣдовательно, если они были бы истинными потому, что оказывались бы весьма похожими на истинныхъ и что между ними и истинными не было бы рѣшительно никакого различія: то не слѣдуетъ ли признать, что сходство есть мать истины, а несходство мать ложности? А. Не имѣю что сказать противъ этого, и мнѣ стыдно за свое такъ необдуманно передъ этимъ данное согласіе.

Р. Смѣшно, если ты стыдишься; какъ будто не ради этого именно мы и выбрали такого рода бесѣды, которыя я хочу назвать и надписать Монологами, такъ какъ мы разговариваемъ одни сами съ собою; хоть названіе это ново и можетъ

быть грубо, но оно довольно пригодно для обозначения сущности дѣла. Ибо истина лучше всего можетъ раскрываться чрезъ вопросы и отвѣты. а между тѣмъ едвали можно найти какого либо человѣка, которому не было бы стыдно остаться побѣжденнымъ въ спорѣ; и при этомъ почти всегда случается, что рѣчь, искусно введенную для разъясненія вопроса, заглушаетъ дикий крикъ упрямства, болѣею частью съ загаенною, а иногда и открытою злостію душевною. Поэтому я полагаю, что избралъ самый спокойный и самый удобный способъ искага, при помощи Божией, испишу, отвѣчая самъ себѣ же на свои вопросы. Поэтому тебѣ нечего опасаться брать пацѣ свое мнѣніе и отказываться отъ него, если ты необдуманно что либо утверждалъ; ибо другого выхода изъ этого быть не можетъ.

ГЛАВА VIII.

Откуда истинное или ложное

А Ты говоришь правду. Но я не вполне ясно вижу, съ чѣмъ я согласился неудачно. Развѣ не назвать ли дѣйствительно ложнымъ то, что имѣетъ нѣкоторое сходство съ истиннымъ, такъ какъ я рѣшительно не нахожу ничего другого, что соответствовало бы названію ложнаго; но и при этомъ снова вынужденъ признаться, что такъ называемое ложное называется ложнымъ потому, что разнится отъ истиннаго. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что причиною ложности есть тоже самое несходство. Поэтому я не соберусь съ мыслями; такъ какъ мнѣ ничего не приходитъ на умъ, что могло бы вытекать изъ этихъ противорѣчащихъ положеній. Р. Скажи, развѣ извѣстный родъ есть единственный въ природѣ вещей, и онъ только такъ именно существуетъ? Развѣ ты не знаешь, что если окинешь взоромъ безчисленные роды животныхъ, то найдешь, что только крокодилъ при бѣгѣ дви-

жетъ верхнюю частью; при томъ едва ли и вообще можно найти что либо до такой степени похожее на другой предметъ, чтобы между ними не было хоть въ чемъ либо разности. А. Вижу, что это такъ; но когда обращаю вниманіе на то, что называемое нами ложнымъ имѣетъ нѣчто и сходное съ истиннымъ и несходное, то я нахожу себя не въ состояніи разобрать, въ силу чего изъ двухъ по преимуществу оно заслуживало бы названіе ложнаго. Вѣдь если я скажу, что въ силу того, что оно не сходно; тогда не будетъ ничего, чего нельзя было бы назвать ложнымъ: потому что нѣтъ ничего, что не отличалось бы отъ какой-либо вещи, которую мы признали бы за истинную. Съ другой стороны, если скажу, что оно должно быть названо ложнымъ въ силу того, что оно сходно; то не только возраженіемъ противъ этого будутъ тѣ яйца, которыя по тому самому яйца истинныя, что весьма схожи, но и не въ состояніи буду сопротивляться тому, кто станетъ принуждать меня признать, что ложно все: потому что мнѣ нельзя будетъ отрицать, что все въ какомъ либо отношеніи имѣетъ сходство между собою. Представь затѣмъ, что я рѣшился бы отвѣчать, что сходство и несходство вмѣстѣ даютъ дѣйствительное основаніе назвать что либо ложнымъ; какой бы ты тогда указалъ мнѣ выходъ? Вѣдь все таки возраженіе, что я все считаю ложнымъ, останется въ своей силѣ; потому что все, какъ сказано выше, въ извѣстномъ отношеніи оказывается сходнымъ между собою, а въ иномъ—различнымъ. Оставалось бы сказать, что ложное есть не иное что, какъ то, что иначе существуетъ, чѣмъ кажется, если бы я не опасался всѣхъ тѣхъ чудовищныхъ выводовъ, которыхъ считалъ себя недавно избѣгшимъ. Ибо я снова буду опровергнутъ неожиданнымъ оборотомъ, что долженъ буду въ такомъ случаѣ называть истиннымъ то, что существуетъ именно такъ, какъ кажется. А изъ этого будетъ слѣдовать, что ничто не мо-

жесть быть истиннымъ безъ познающаго. А тамъ-то я и боюсь потерпѣть крушеніе на таинственнѣйшихъ скалахъ, которыя истинны, хотя и невѣдомы. Или, если я скажу, что истинно то, что существуетъ, будетъ слѣдовать, что ложнаго нѣтъ нигдѣ, — слѣдствіе, которое опровергнетъ всякій, кто угодно. И вотъ томленія мои возвращаются снова, и я вижу, что со всѣмъ терпѣніемъ своимъ, съ какимъ относился я къ твоей медлительности, я нисколько впередъ не подвинулся.

ГЛАВА IX.

Что такое ложное, что лживое и что неправдивое.

Р. Лучше внимательнѣе вникай; потому что я никоимъ образомъ не могу примириться съ мыслию, чтобы мы напрасно молили о божественной помощи. Перепробовавъ по возможности все, я нахожу, что ложнымъ можно по справедливости назвать лишь то, что или выставляетъ себя тѣмъ, чѣмъ оно не есть, или всѣми силами стремится быть, но не есть. Но первый родъ ложнаго есть или лживый (fallax) или неправдивый (mendax). Ибо лживымъ правильно называется тотъ, кто имѣетъ желаніе обмануть кого либо, — котораго нельзя представлять безъ души, но который дѣлаетъ это отчасти пользуясь разумомъ, отчасти по природѣ; съ участіемъ разума это бываетъ въ животныхъ разумныхъ, напримѣръ въ человѣкѣ; по природѣ — въ животныхъ неразумныхъ, какъ въ лисицѣ. Неправдивымъ же я называю то, что высказывается говорящими неправду. Они тѣмъ отличаются отъ лжецовъ, что лжець желаетъ обмануть всякій; а говорящій неправду не всякій имѣетъ намѣреніе обманывать: потому что и мимы, и комедіи, и множество поэмъ переполнены неправдивымъ болѣе съ цѣлію доставить удовольствие, чѣмъ обмануть; да и всѣ почти, кто шутитъ, го

ворятъ неправду. Но лжецомъ или лгущимъ называется правильно тотъ, кто ставитъ для себя задачею кого либо обмануть. Тѣхъ же, которые не имѣютъ въ виду ввести кого либо въ заблужденіе, а только что либо выдумываютъ, называютъ право выдумщиками, или, если этого нѣтъ, то просто говорящими неправду. Но ты, можетъ быть, имѣешь что возразить противъ этого?

А. Продолжай, пожалуйста; можетъ быть теперь-то именно ты и началъ о ложномъ говорить неложное. Впрочемъ жду, что такое будетъ тотъ родъ, о которомъ ты сказалъ, что онъ стремится быть, но не есть. Р. Отъ чего бы и не подождать? Это все то, о чемъ мы много говорили выше. Не кажется ли тебѣ, что твое изображеніе въ зеркалѣ какъ бы желаетъ быть тобою самимъ, но остается ложнымъ потому, что не становится такимъ? А. Конечно, это кажется. Р. А всякое живописное изображеніе, или какая либо статуя, и весь этотъ родъ художественныхъ произведеній? Развѣ не стремятся они быть тѣмъ, по подобію чего каждое изъ нихъ сдѣлано? А. Соглашаюсь вполне. Р. Затѣмъ, полагая, ты согласишься, что къ тому же роду относится все, чѣмъ обманываются спящіе или сумасшедшіе? А. Даже болѣе, чѣмъ съ чѣмъ нибудь: потому что ничто болѣе не стремится быть похожимъ на то, что видятъ бодрствующіе или здоровые; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно и ложно, такъ какъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ быть стремится. Р. Къ чему бы, далѣе, я сталъ распространяться о движеніи высокихъ зданій, о погруженіи въ воду веслѣ, или о тѣняхъ тѣлѣ? Думаю, что вполне ясно, что они должны быть подводимы подъ ту же мѣрку. А. Какъ нельзя яснѣе. Р. О другихъ чувствахъ умалчиваю; ибо всякій зрѣло обсуждающій найдетъ, что въ вещахъ, нами чувствуемыхъ, ложнымъ называется то, что стремится быть чѣмъ нибудь, но не есть.

ГЛАВА X.

Нѣкоторыя вещи потому истинны, что ложны.

А. Ты правду говоришь. Но удивляюсь, почему тебѣ показалось нужнымъ выдѣлнить изъ этого рода поэмы, шутки и прочую ложь. Р. А потому, что иное дѣло желать быть ложнымъ, и иное не мочь быть истиннымъ. Поэтому такія произведенія человѣческія, какъ комедіи, трагедіи, мимы и другія того же рода, мы можемъ приурочить къ произведеніямъ живописцевъ и ваятелей. Ибо нарисованный человѣкъ также точно не можетъ быть истиннымъ, хотя и достигаетъ вида человѣческаго, какъ и то, что содержится въ книгахъ комиковъ. И все это не желаетъ быть ложнымъ, или бываетъ ложнымъ не по какому либо собственному желанію, а по нѣкоторой необходимости, насколько можетъ подчиняться произволу измышляющаго. Но Росцій, по природѣ истинный человѣкъ, по волѣ своей былъ на сценѣ ложною Гекубою. Но по той же самой волѣ онъ былъ и истиннымъ трагикомъ, насколько т. е. выполнялъ свою роль, и ложнымъ Пріамомъ, потому что Пріаму подражалъ, но самимъ Пріамомъ не былъ. Отсюда выходитъ нѣчто свособразное: но что оно такъ есть, въ томъ никто не сомнѣвается. А. Что же это такое? Р. А разумѣется то, что все это отъ того въ извѣстномъ отношеніи истинно, отъ чего въ другомъ отношеніи ложно, и къ истинности его въ данномъ отношеніи служить единственно то, что въ другомъ отношеніи оно ложно. Отъ чего оно никакимъ образомъ не достигнетъ того, чѣмъ хочетъ или должно быть, если избѣгаетъ быть ложнымъ. Какимъ бы образомъ этотъ Росцій, о которомъ мы упоминали, былъ истиннымъ трагикомъ, если бы не пожелалъ быть ложнымъ Гекторомъ, ложною Андромахою, ложнымъ Геркулесемъ, и проч., проч.? Или какимъ образомъ

было бы истиннымъ живописное изображеніе, если бы конь не былъ ложнымъ; или въ зеркалѣ истинное отображеніе человѣка, если бы оно не было человѣкомъ ложнымъ? Послѣ этого, если въ извѣстныхъ отношеніяхъ для того, чтобы нѣчто было истиннымъ, полезно, чтобы нѣчто было ложнымъ; то почему мы столько страшимся ложности, и стремимся къ истинѣ, считая ее за великое благо? А. Не знаю, и очень удивляюсь; развѣ только потому, что въ приведенныхъ примѣрахъ не вижу ничего достойнаго подражанія. Вѣдь не должны же и мы, подобно актерамъ, или какимъ либо отраженіямъ отъ зеркалъ, или какъ мѣдныя телицы Мирона, будучи въ извѣстномъ видѣ своемъ истинными, подкрашиваться и поддѣлываться подъ чужой видъ, и для этого становиться ложными; но должны искать такого истиннаго, которое не было бы, подобно двулицому образу, смотрящему въ противоположныя стороны, въ извѣстной части истиннымъ, а въ извѣстной ложнымъ. Р. Ты ищешь великаго и божественнаго. Но если бы мы его нашли, не сознались ли бы мы, что этимъ мы какъ бы изготовили и отлили самую истину, отъ которой получаетъ свое названіе все, что какимъ бы то ни было образомъ истинно? А. Соглашаюсь съ этимъ охотно.

ГЛАВА XI.

Истина наукъ. Что такое басня. Что такое грамматика.

Р. Какъ на твой взглядъ? Наука разсуждать истинная ли наука или ложная? А. Песомѣнно истинная. Но истинна также и грамматика. Р. Также какъ и діалектика? А. Я не знаю, есть ли что истиннѣе истиннаго. Р. А то, конечно, что не имѣетъ ничего ложнаго. Незадолго же передъ этимъ ты встрѣчался съ такими вещами, которыя, какимъ-то об-

разомъ, не могли бы быть истинными, еслибы не были ложны. Развѣ неизвѣстно тебѣ, что къ грамматикѣ относится и се это баснословное и открыто ложное? А. Это-то я знаю; но думаю, что не грамматика сочиняетъ это ложное, а она уясняетъ только свойство его,—а именно, что басня есть ложь, сочиненная для пользы и удовольствія. Сама же по себѣ грамматика есть блюстительница членораздѣльной рѣчи и наукоуководительница: она даетъ правила, по которымъ должна сочиняться всякая человѣческая рѣчь (не исключая и вымысловъ), предаваемая памяти и письму, не обращая это въ ложное, но преподавая и сообщая относительно этого нѣкоторые истинные приемы. Р. Прекрасно. О томъ, правильно ли ты опредѣлилъ и различилъ это, я пока не буду говорить; но остановлю вниманіе твое на томъ, сама ли грамматика доказываетъ, что все это такъ, или наука сужденія? А. Я не отказываюсь силу и искусство дѣлать опредѣленія, которыя въ данномъ случаѣ я рѣшился выдѣлить, приписать искусству разсужденія.

Р. Ну, а самая грамматика? Если она истинна, то не потому ли истинна, что она наука? Ибо наука получила названіе отъ наученія; а никто не можетъ сказать, что онъ не знаетъ того, чему научился и что помнить; и никто не знаетъ ложнаго. Слѣдовательно всякая наука есть наука истинная. А. Хоть я и не вижу, какая въ этомъ умозаключеніи допущена неправильность; однако я опасаюсь, чтобы въ силу его не показались кому нибудь истинными и тѣ басни: потому что мы и ихъ изучаемъ и помнимъ. Р. Неужели учитель нашъ не хотѣлъ, чтобы мы вѣрили тому, и знали то, чему онъ училъ? А. Напротивъ, онъ сильно настаивалъ, чтобы мы знали. Р. Но настаивалъ ли онъ когда нибудь, чтобы мы вѣрили, что Дедалъ леталъ? А. На этомъ, дѣйствительно, не настаивалъ никогда; но говорилъ открыто, что если басни не выучимъ, то едва ли будемъ знать что-

вибуди. Р. Ты стало быть не считаешь истиннымъ того, что это басня и что такъ разславленъ Дедалъ? А. Нѣтъ, я признаю это за истинное. Р. Слѣдовательно ты не отрицаешь, что изучалъ истинное, когда изучалъ это. Ибо, если бы то, что Дедалъ леталъ, было истинно, а дѣти между тѣмъ принимали бы это и передавали за выдуманную басню: то они усвоили бы себѣ ложное потому самому, что то, что передавалось, было истиннымъ. Отсюда-то и является то своеобразное, о которомъ мы говорили выше, а именно, что басня о летаніи Дедала не была бы истинною баснею, если бы не было ложнымъ, что Дедалъ леталъ. А. Пусть это такъ; но я желалъ бы знать, что мы приобретаемъ изъ этого? Р. А то, что умозаключеніе наше, что наука не можетъ быть истинною, если не учить истинному, не есть умозаключеніе ложное. А. А это какое имѣетъ отношеніе къ дѣлу? Р. Я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ, почему грамматика есть наука: ибо она потоліку истинна, поколику есть наука. А. Не знаю, что тебѣ сказать. Р. Не кажется ли тебѣ, что если бы въ ней не было ничего опредѣленного, ничего распредѣленного и раздѣленного на роды и части, то она никоимъ образомъ не могла бы быть наукою? А. Теперь я понимаю, что ты хочешь сказать; я не признаю никакого научнаго свойства за тою наукою, которая,—когда излагалось бы то и другое; когда всему отводилось бы свое мѣсто безъ смѣшенія частей, не опускалось бы ничего къ ней относящагося, не вводилось бы ничего чуждаго,—не нуждалась бы въ опредѣленіяхъ, раздѣленіяхъ, умозаключеніяхъ,—во всемъ томъ именно, почему называется наукою. Р. Стало быть и во всемъ томъ, почему называется наукою истинною. А. Слѣдуетъ логически.

Р. Теперь скажи, какая наука излагаетъ способъ опредѣленій, раздѣленій и развитія частей? А. Выше сказано уже, что это дается правилами разсужденія. Р. Итакъ грам-

матика, какъ наука, и какъ наука истинная, обязана своимъ происхожденіемъ той же самой наукѣ, которую ты выше защитилъ отъ упрека въ ложности. Тоже заключеніе я могу вывести относительно не одной грамматики, но и всѣхъ вообще наукъ. Ты сказалъ, и сказалъ вѣрно, что нѣтъ науки, которая не получила бы свойства науки въ силу опредѣленія и логическаго расположенія. Но если науки по тому самому истинны, что онѣ науки, то кто станетъ отрицать, что та наука, чрезъ которую всѣ другія дѣлаются истинными науками, есть сама истина? А. Готовъ былъ бы согласиться съ этимъ; но меня останавливаетъ то, что мы и способъ разсужденія относимъ къ тѣмъ же наукамъ. И скорѣе думаю, что истина есть то, что самый способъ этотъ дѣлаетъ истиннымъ. Р. Прекрасно и осмотрительно во всѣхъ отношеніяхъ; но полагаю, ты не отрицаешь, что она потонку истинна, по тонку наука? А. Напротивъ, это-то меня и останавливаетъ. Потому что я выгелъ и обратное заключеніе: такъ какъ она наука, то поэтому же и истинна. Р. Почему такъ? Развѣ ты думаешь, что она могла бы быть наукою, если бы въ ней не было все опредѣлено и логически расположено? А. Болѣе я не имѣю ничего сказать. Р. Но если обязанность эта лежитъ на ней же, то она есть наука истинная благодаря себѣ же самой. Да и покажется ли кому нибудь странно, если эта наука, дѣлающая истинными всѣ, сама чрезъ себя и сама въ себѣ будетъ истинною истиною? А. Теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ прямо принять это мнѣніе.

ГЛАВА XII.

Два образа существованія одного въ другомъ.

Р. Въ такомъ случаѣ выслушай внимательно то немногое, что остается. А. Говори, если имѣешь что

сказать; пусть только оно будетъ таково, чтобы я его понималъ и охотно съ нимъ соглашался. Р. Говорятъ, какъ намъ не безъизвѣстно, что одно существуетъ въ другомъ двоякимъ образомъ. Во первыхъ, одно такъ существуетъ въ другомъ, что можетъ быть и отдѣлено отъ него и находится въ другомъ мѣстѣ, какъ существуетъ это бревно въ этомъ мѣстѣ, какъ находится солнце въ восточной сторонѣ неба; но во вторыхъ существуетъ что либо въ субъектѣ и такъ, что не можетъ быть отдѣлено отъ него, какъ форма и паружный видъ въ этомъ бревнѣ, какъ свѣтъ въ солнцѣ, какъ тепло въ огнѣ, какъ наука въ душѣ, и другое подобное тому. Или тебѣ кажется это иначе? А. Все это слишкомъ не ново для насъ и усвоено и изучено самымъ старательнымъ образомъ съ первыхъ дней юности; поэтому, будучи на этотъ счетъ спрошенъ, я могу согласиться съ этимъ безъ всякаго разсужденія. Р. Вотъ какъ? Такъ не согласишься ли, что и то, что есть въ субъектѣ неотдѣлимаго, не можетъ продолжать своего существованія, если самъ субъектъ перестанетъ существовать? А. И это я считаю неизбѣжнымъ. Ибо всякій, внимательно разсматривающій вещи, понимаетъ, что пока субъектъ продолжаетъ свое существованіе, то, что есть въ субъектѣ, можетъ прекращать свое существованіе. Такъ, напримѣръ, цвѣтъ этого тѣла можетъ по причинѣ болѣзни или возраста измѣниться, хотя самое тѣло еще не уничтожится. Хотя это примѣняется не ко всему одинаково, а лишь къ тому, что входитъ въ существованіе субъектовъ не для того, чтобы давать бытіе самимъ субъектамъ. Напримѣръ, стѣна обращена въ этотъ цвѣтъ, который мы видимъ, не для того, чтобы она была этою стѣною; потому что если бы она по какому либо случаю почернѣла, или побѣлѣла, или приняла другой какой либо цвѣтъ, она тѣмъ не менѣе осталась бы и называлась бы стѣною. Но если бы огонь потерялъ тепло, онъ не былъ

бы и огнемъ; и свѣтъ мы можемъ называть свѣгомъ, если онъ будетъ бѣлъ.

ГЛАВА XIII.

Выводится заключеніе о безсмертіи души.

Но то, о чемъ ты спросилъ, развѣ можетъ быть кѣмъ либо допущено, или показаться кому либо возможнымъ, т. е. чтобы то, что существуетъ въ субъектѣ, продолжало свое существованіе по уничтоженіи самаго субъекта? Ибо неестественно и въ высшей степени несообразно съ истиною, чтобы то, чего не было бы, если бы не было въ субъектѣ, могло быть и послѣ того, когда не будетъ самаго субъекта. Р. Слѣдовательно то, чего мы искали, найдено. А. Что ты рассказываешь? Р. То, что слышишь. А. Неужели теперь ясно видно, что душа безсмертна? Р. Если то, съ чѣмъ ты согласился, истинно,—то какъ нельзя яснѣе; развѣ только скажешь, что душа, хотя бы и умерла, останется душою. А. Этого-то я никогда не скажу; но скажу, что отъ того самаго, что она умретъ, станется, что она душою не будетъ. И меня не отвлекаетъ отъ этой мысли то, что сказано великими философами, именно: что та вещь, которая, явившись куда бы то ни было, даетъ жизнь, смерти въ себя принять не можетъ. Ибо и свѣтъ, куда бы онъ ни проникъ, то мѣсто освѣщаетъ, и въ силу упомянутой противоположности, не можетъ принять въ себя мрака; однако гаснетъ, и когда свѣтъ погаснетъ, мѣсто то потемняется. Такимъ образомъ то, что сопротивлялось мраку и никакимъ образомъ не принимало въ себя мрака, также точно дало мраку мѣсто своимъ исчезновеніемъ, какъ могло бы дать удаленіемъ. Итакъ я опасуюсь, чтобы также не прилучалось тѣлу, какъ мракъ мѣсту, порою чрезъ удаленіе души, какъ свѣта, порою чрезъ угасаніе ея тамъ же. Такъ какъ отъ смерти тѣлесной вооб-

ще безопасности уже нѣтъ, то желателенъ по крайней мѣрѣ такой родъ смерти, въ которомъ душа уходила бы изъ тѣла неповрежденною и переходила въ мѣсто (если только есть какое либо такое мѣсто), гдѣ она не могла бы угаснуть. А если это невозможно; если душа, какъ свѣтъ, зажигается въ самомъ тѣлѣ и не можетъ нигдѣ болѣе продолжать своего существованія, и смерть вообще есть нѣкоторое угасаніе души или жизни въ тѣлѣ: то слѣдуетъ, насколько то возможно человѣку, избирать какой нибудь такой родъ жизни, что то самое, что живется, жилось съ безмятежностью и спокойствіемъ; хотя я и не знаю, какимъ образомъ это можетъ быть, если душа умираетъ. О какъ блаженны тѣ, кто сами собою или при помощи другихъ пришли къ убѣжденію, что смерти не слѣдуетъ бояться, хотя бы душа и уничтожалась! А меня несчастнаго еще не могли убѣдить въ этомъ никакіе доводы, никакія книги.

Р. Не вздыхай, душа человѣческая безсмертна. А. Чѣмъ ты это докажешь? Р. Тѣмъ, съ чѣмъ ты съ большою, какъ я думаю, осторожностію согласился передъ этимъ. А. Хотя я и помню, что ничего не отвѣчалъ на твои вопросы, не обсудивъ внимательно; однако представь, пожалуйста, самую сущность всего, чтобы видѣть, до чего мы дошли такими околичностями, и не спрашивай меня болѣе. Ибо если повторишь коротко то, съ чѣмъ я согласился, то на что могутъ понадобиться отъ меня отвѣты вновь? Развѣ на то, чтобы безцѣльно отсрочить радость для меня, если намъ удалось достигнуть чего либо хорошаго? Р. Сдѣлаю, какъ тебѣ желательно; но слушай внимательно. А. Говори же, я слушаю; за чѣмъ томишь? Р. Если все, что существуетъ въ субъектѣ продолжаетъ всегда свое существованіе, то необходимо будетъ продолжать свое существованіе и самый субъектъ. Но всякая наука существуетъ въ субъектѣ, въ душѣ. Слѣдовательно, если наука всегда продолжаетъ свое существова-

ніе, необходимо, чтобы всегда продолжала свое существованіе и душа. Но наука есть истина, а истина, какъ убѣдилъ разумъ въ началѣ этой книги, пребываетъ всегда. Слѣдовательно душа пребываетъ всегда, и не называется умершею душою. Поэтому безсмертіе души будетъ отрицать безъ явной нелѣпости только тотъ, кто докажетъ, что какая либо изъ вышеприведенныхъ уступокъ сдѣлана неправильно.

ГЛАВА XIV.

Разбирается предшествоующій силлогизмъ.

А. Я готовъ былъ бы уже предаться радости, если бы меня не удерживали нѣсколько двѣ вещи. Во первыхъ, меня смущаетъ, что мы употребили такой обходъ, держась не вѣсть какой цѣпи умозаключеній, между тѣмъ какъ все, о чемъ шла рѣчь, могло быть доказано такъ коротко, какъ оно доказано теперь. Меня тревожитъ, что рѣчь обходила вопросъ такъ долго какъ бы для того, чтобы завлечь въ засаду. За тѣмъ, я не вижу, какимъ образомъ въ душѣ всегда существуетъ наука, особенно наука сужденія, когда ея немногіе знаютъ, а кто и узнаетъ, тотъ столько времени съ дѣтства бываетъ не наученъ ей. Ибо мы не можемъ сказать ни того, чтобы души исученыхъ не были душами, ни того, чтобы въ душѣ существовала наука, которой они не знаютъ. Такъ какъ это было бы большою нелѣпностію, то остается заключить, что или истина не всегда существуетъ въ душѣ, или упомянутая наука не есть истина.

Р. Изъ этого ты видишь, что наше изслѣдованіе не напрасно нуждалось въ столькихъ околичностяхъ. Ибо мы доискивались, что такое истина, и все же я не вижу, чтобы въ этомъ своего рода лѣсу вещей, перебродивъ по всеѣмъ почти тропинкамъ, мы и теперь могли напасть на ея слѣды. Но что станемъ дѣлать? Не бросить ли начатое и не подо-

ждать ли, не попадется ли что либо подъ руки изъ чужихъ книгъ, что удовлетворить этому вопросу? Ибо и до нашего времени, я думаю, написано много такихъ книгъ, которыхъ мы не чигаемъ; и въ настоящее время, когда мы можемъ полагать, что ничто отъ насъ не укрывается, намъ извѣстно что объ этомъ предметѣ писано и въ стихахъ и прозою; и притомъ писано такими мужами, и произведенія которыхъ отъ насъ укрыться не могутъ, и природныя дарованія которыхъ мы знаемъ такими, что можемъ надѣяться вполне найти въ ихъ сочиненіяхъ то, чего желаемъ,—особенно когда здѣсь же передъ нашими глазами находится тотъ, чье краснорѣчіе мы стали было оплакивать какъ умершее, но нашли ожившимъ въ совершеннѣйшемъ видѣ ¹⁾. Онъ ли, учившій въ своихъ сочиненіяхъ образу жизни, допустить насъ не знать природы жизни? А. Этого я не думаю, и надѣюсь отъ него многого, но скорблю объ одномъ, что мы не имѣемъ возможности, соответственно своему желанію, раскрыть передъ нимъ своего рвенія какъ къ нему, такъ и къ истинѣ. Онъ дѣйствительно сжался бы надъ нашею жаждою, и гораздо скорѣе, чѣмъ теперь, подѣлился бы своимъ богатствомъ. Спокойный тѣмъ, что самъ вполне уже убѣдился въ безсмертіи души, онъ быть можетъ и не знаетъ, что есть люди, которые достаточно сознали тяжкое состояніе этого невѣденія, и которымъ отказать въ просимой помощи было бы крайне жестоко. А тотъ другой, хотя и знаетъ по дружбѣ наше сильное желаніе, но находится отъ насъ такъ далеко, а мы при томъ такъ теперь устроились на жительство, что едва ли есть возможность посылать къ нему письма ²⁾.

¹⁾ Разумѣется, очевидно, св. Амвросій Медиоланскій. См. *Испов.* кн. VI. гл. 2 и 11.

²⁾ Вѣроятно, разумѣется Зиновій, о неожиданномъ отъѣздѣ котораго упоминается въ гл. 7. кн. I, *О порядкѣ*.

Я думаю, что пользуясь досугомъ по ту сторону Альпъ, онъ уже окончилъ стихи, обаяніемъ которыхъ изгналъ страхъ смерти и уничтожилъ оцѣненіе и холодъ душевный, ожестѣвшіе подъ застарѣлымъ льдомъ. Но пока дѣло находится въ такомъ положеніи, которое не зависитъ отъ нашей власти, не позорно ли намъ терять напрасно свой досугъ и свою душу, лишенную свободы дѣйствія, оставлять въ зависимости отъ сомнительнаго третейскаго приговора?

ГЛАВА XV.

Природа истиннаго и ложнаго.

Къ чему же послужило намъ, что мы молились и молилися Богу, чтобы Онъ указалъ намъ путь,—намъ, которые ищемъ не богатства, не удовольствій тѣлесныхъ, не блеска и почестей народныхъ, а свою душу и Его же самого? Ужъ не оставляетъ ли Онъ насъ, или не долженъ ли быть оставленъ нами? Р. Нѣтъ. Ему въ высшей степени не свойственно оставлять тѣхъ, кто стремится къ подобнымъ вещамъ; поэтому и мы должны быть далеки отъ мысли бросать такого вождя. Почему повторимъ, если угодно, то, изъ чего мы вывели извѣстные два положенія, что истина пребываетъ всегда, и что основныя начала разсужденія суть истина. Ты сказалъ вѣдь, что отъ шаткости этихъ положеній зависитъ то, что сущность всего добытаго нами не убѣждаетъ насъ. Или быть можетъ рассмотримъ лучше то, какимъ образомъ возможна наука въ душѣ необразованной, которую мы не можемъ однакоже не называть душою? Повидимому ты въ этомъ нашелъ побужденіе снова подвергнуть сомнѣнію то, съ чѣмъ прежде согласился. А. Нѣтъ, рассмотримъ сперва первое, а за тѣмъ обсудимъ и послѣднее. Послѣ этого, думаю, не останется ничего спорнаго. Р. Пусть будетъ такъ, но сосредоточь все свое вниманіе и осмотри-

тельность. Въѣдъ я знаю, что дѣлается съ тобою, когда ты слушаешь: устремивъ все свое вниманіе на выводъ и ожидая, что вотъ—вотъ онъ получится, ты не довольно тщательно обсуждаешь тѣ вопросы, съ которыми соглашаешься. А. Ты пожалуй говоришь правду; но я постараюсь, насколько могу, освободиться отъ этой слабости; только начинай уже спрашивать, чтобы намъ не медлить напрасно.

Р. Свое заключеніе, что истина не можетъ погибнуть, мы вывели, сколько помню, изъ того, что если бы погибли не только весь міръ, но и сама истина, то и тогда было бы истинно, что погибли міръ и истина. Но истиннымъ ничто не можетъ быть безъ истины. Слѣдовательно истина никоимъ образомъ не погибнетъ. А. Это я признаю справедливымъ, и очень удивился бы, если бы оно было ложно. Р. Въ такомъ случаѣ перейдемъ къ другому. А. Позволь, пожалуйста, мнѣ нѣсколько подумать, чтобы я послѣ, къ стыду своему, снова не возвращался къ этому. Р. А что? Развѣ не будетъ истиннымъ, что истина погибла? Если это не будетъ истиннымъ, то истина не погибнетъ. А если будетъ истиннымъ, то откуда послѣ уничтоженія истины будетъ это истиннымъ, если истины уже нѣтъ никакой? А. Я обдумалъ и обсудилъ уже все; переходи къ другому. Постараемся непремѣнно, насколько можемъ, сдѣлать такъ, чтобы это прочитали мужи ученые и благоразумные и исправили нашу неосмотрительность, если она есть: потому что я съ своей стороны не считаю возможнымъ ни теперь, ни когда бы то ни было найти какое либо возраженіе противъ этого.

Р. Называется ли что либо истинною кромѣ того, въ силу чего является истиннымъ то, что истинно? А. Пѣтъ. Р. Справедливо ли называется истиннымъ только то, что не есть ложно? А. Сомнѣваться въ этомъ было бы безуміемъ. Р. Не есть ли ложное то, что поддѣлано подъ видъ чего либо, и однакоже не есть то, на что является похожимъ?

А. Дѣйствительно, я не знаю ничего другого такого, что охотѣе всего назвалъ бы ложнымъ. Но обыкновенно ложнымъ называется и такое, что весьма далеко отъ сходства съ истиннымъ. Р. Кто это отрицаетъ? Но все же оно представляеть собою хоть не большое подражаніе истинному. А. Какимъ образомъ? Вѣдь, когда разсказывается, что Медея летала на крылатыхъ змѣяхъ, разсказъ этотъ не представляеть собою подражанія истинному; потому что то, что не существуетъ, не можетъ быть и предметомъ подражанія для чего либо, что также не существуетъ. Р. Ты правильно говоришь; но забываешь, что то, что не существуетъ вовсе, не можетъ быть названо и ложнымъ. Вѣдь если оно ложное, то оно существуетъ; а если оно не существуетъ, то оно не есть и ложное. А. Неужели этотъ невѣроятный — чудовищный разсказъ о Медѣ мы не назовемъ ложнымъ? Р. Не назовемъ; вѣдь еслибы онъ былъ ложнымъ, развѣ онъ былъ бы чудовищнымъ? А. Выходитъ что-то странное; неужели, когда мнѣ скажутъ:

Змѣй огромныхъ крылатыхъ запряженныхъ въ ярмо ¹⁾.

я не назову это ложнымъ? Р. Назовешь конечно: потому что здѣсь есть нѣчто, что можешь назвать ложнымъ. А. Скажи, что такое? Р. Разумѣется та мысль, которая высказывается самымъ стихомъ. А. Но какое же въ ней заключается подражаніе истинному? Р. Она высказывается такъ, какъ бы Медея въ самомъ дѣлѣ это дѣлала Ложная мысль подражаетъ истиннымъ мыслямъ самымъ выраженіемъ своимъ. Будучи невѣроятною, она тѣмъ только подражаетъ истиннымъ мыслямъ, что такъ высказывается, и есть только ложная, но не лживая. А если бы она разсчитывала на вѣру, она подражала бы несомнѣнно истинному. А. Теперь я понимаю, что

¹⁾ Стихъ, приводимый Цицерономъ, de Invent. I. 19.

есть большое различіе между тѣмъ, что мы говоримъ, и тѣми предметами, о которыхъ что либо говоримъ, и соглашаюсь уже съ тобою: потому что меня останавливало только это одно, именно, что то, что мы называемъ ложнымъ, мы только тогда правильно называемъ ложнымъ, когда оно представляетъ собою нѣкоторое подражаніе истинѣ. Дѣйствительно, кто не подвергся бы заслуженному осмѣянію, если бы сказалъ, что камень есть ложное серебро? Однако если бы кто сказалъ, что камень есть серебро, мы сказали бы, что онъ говоритъ ложное, т. е. высказываетъ ложную мысль. Но олово или свинецъ мы, по моему мнѣнію, не безъ смысла называемъ ложнымъ серебромъ, потому что въ вещахъ есть какъ бы нѣкоторое подражаніе; и мысль наша поэтому не есть ложная мысль, а ложно то, о чемъ она высказывается.

ГЛАВА XVI.

Можетъ ли лучшее называться именами худшаго.

Р. Понимаешь хорошо. Но обрати вниманіе на то, могли ли бы мы съ такою же умѣстностію назвать и серебро ложнымъ свинцомъ? А. Мнѣ кажется, нѣтъ. Р. Почему это? А. Не знаю; знаю только одно, что я назвалъ бы его такъ рѣшительно противъ своей воли. Р. А не потому ли, что серебро лучше, и что назвать его такъ было бы какъ бы въ поношеніе ему; между тѣмъ какъ для олова было бы какъ бы своего рода честью, если бы оно называлось ложнымъ серебромъ? А. Ты вполне выяснилъ, чего я желалъ. И поэтому—то, полагаю, законы считаютъ безчестными и не имѣющими права завѣщанія тѣхъ, которые являются публично въ женской одеждѣ, которыхъ я не знаю какъ лучше назвать, ложными ли женщинами, или ложными мужчинами. Но истинными комедіантами и истинными безчестными

(людьми) мы можем назвать ихъ не колеблясь; или если они дѣлають это тайно и что либо безчестное становится извѣстнымъ только по дурнымъ слухамъ, то мы, полагаю, не вопреки истинѣ называемъ ихъ истинными негодными людьми. Р. Для разсужденія объ этомъ у насъ будетъ другое мѣсто; ибо много дѣлается такого, что на обыкновенный взглядъ представляется безчестнымъ, но по своей похвальной цѣли оказывается честнымъ. Вопросъ заслуживаетъ внимательнаго обсужденія: поступаетъ ли согласно съ своимъ долгомъ мужчина, который ради освобожденія отечества одѣвается въ женскую туннику и обманываетъ непріятеля; и отъ того самаго, что становится ложною женщиною, не бываетъ ли онъ еще болѣе истиннымъ мужчиною? Также точно мудрый, если убѣжденъ, что жизнь его необходима для человечества, неужели пожелаетъ лучше умереть отъ стужи, чѣмъ прикрыться одеждою женскою, если бы другой не оказалось? Но объ этомъ, какъ я сказалъ, поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Ты видишь, конечно, сколько требуется для разясненія, при какихъ условіяхъ это должно происходить, чтобы не обращаться въ неизвинительное безобразіе. А пока, что для настоящаго вопроса достаточно, я пахожу вполне очевиднымъ и неподлежащимъ сомнѣнію, что ложное есть не что иное, какъ нѣкоторое подражаніе истинному.

ГЛАВА XVII.

Есть ли что либо во всѣхъ отношеніяхъ ложное или во всѣхъ отношеніяхъ истинное.

А. Переходи къ дальнѣйшему; потому что въ этомъ я достаточно убѣдился. Р. Въ такомъ случаѣ я спрошу, можемъ ли мы, за исключеніемъ тѣхъ наукъ, которыя изучаемъ и къ которымъ слѣдуетъ причислить самую философію, найти что либо такое истинное, что не было бы, по-

добно театральному Ахиллему, также ложнымъ въ извѣстномъ отношеніи, какъ истиннымъ въ другомъ? А. Мнѣ кажется можно найти многое. Вѣдь этотъ камень не входитъ въ составъ наукъ, и однакоже онъ камень истинный и не подражаетъ ничему, вслѣдствіе чего могъ бы быть названъ ложнымъ. Согласись, что упомянувъ о немъ одномъ, можно умолчать о безчисленномъ множествѣ другихъ предметовъ, которые сами собою приходятъ на мысль. Р. Вполнѣ согласенъ. Но не кажется ли тебѣ, что все эти предметы подходятъ подъ одно названіе тѣла? А. Казалось бы, если бы я не былъ увѣренъ, что не существуетъ ничего тщетнаго, или думалъ бы, что къ тѣламъ же слѣдуетъ причислять и самую душу, или полагалъ бы, что и Богъ есть нѣкое тѣло. Если все это существуетъ, то оно, полагаю, ложно и истинно не по подражанію чему нибудь. Р. Ты заставляешь насъ вдаваться въ длинные разсужденія; но постараюсь, насколько могу, быть краткимъ. Вѣдь иное, конечно, есть то, что ты называешь тщетнымъ, и иное истина? А. Далеко иное. Развѣ было бы что либо болѣе тщетное, чѣмъ я самъ, если бы я считалъ истину за что либо тщетное, или стремился съ такимъ усиліемъ къ чему либо тщетному? Вѣдь я желаю найти не иное что, какъ истину. Р. Въ такомъ случаѣ ты можешь быть согласишься и съ тѣмъ, что все истинное становится истиннымъ отъ истины? А. Это стало очевиднымъ уже давно. Р. Не думаешь ли ты, что тщетное есть что нибудь другое, а не само тщетное, какъ напр. тѣло? А. Нисколько не думаю. Р. Въ такомъ случаѣ, полагаю, ты думаешь, что истина есть нѣкое тѣло. А. Никонимъ образомъ. Р. Такъ чтоже такое въ тѣлѣ? А. Не знаю; да это и безразлично. Вѣдь тебѣ, полагаю, во всякомъ случаѣ извѣстно, что если тщетное существуетъ, то оно существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого тѣла. Р. Это дѣйствительно извѣстно? А. Такъ чего же мы останавливаемся на этомъ? Р. Кажется ли

тебѣ, что истина произвела тщетное, или что есть нѣчто истинное, въ которомъ истины нѣтъ? А. Не кажется. Р. Итакъ нѣтъ истиннаго тщетнаго, потому что тщетное могло произойти только отъ тщетнаго; а въ чемъ нѣтъ истины, то очевидно не есть истинно; и то вообще, что называется тщетнымъ, называется такъ отъ того, что оно ничто. Итакъ, какимъ образомъ можетъ быть истиннымъ то, что не существуетъ? Или какимъ образомъ можетъ существовать то, что есть совершенное ничтожество? А. Брось уже это; оставимъ тщетное, какъ тщетное.

ГЛАВА XVIII.

Истинно ли существуетъ тѣло.

Р. А объ остальномъ ты что говоришь? А. А что такое? Р. А то, что, какъ видишь, служить въ пользу моего мнѣнія. Остается душа и Богъ; если они истинны потому, что въ нихъ есть истина, то въ безсмертіи никто не усумнится. Но и душа предполагается безсмертною, что оказывается, что въ ней существуетъ истина, которая погибнуть не можетъ. Поэтому остановимся теперь на томъ дальнѣйшемъ, дѣйствительно ли тѣло не есть поистинѣ истинное, то есть, что въ немъ есть не истина, а какъ бы нѣкоторое подражаніе истины. Ибо, если бы и въ тѣлѣ, которое, какъ довольно извѣстно, подлежитъ уничтоженію, мы нашли такое же истинное, какое существуетъ въ наукахъ, то наука разсужденія, благодаря которой всѣ науки истинны, не была бы истинною. Ибо тогда будетъ истиннымъ и тѣло, которое не представляется образованнымъ по началамъ разсужденія. А если и тѣло истинно по нѣкоторому подражанію, и поэтому только, а не безотносительно истинно, то можетъ быть и не окажется ничего такого, что служило бы препятствіемъ началу разсужденія признать за самую истину. А. Займемся

пожалуй и тѣломъ; хотя я и не думаю, чтобы споръ покончился, если бы и это было доказано Р. А ты откуда знаешь, чего желаетъ Богъ? Итакъ слушай. Я думаю, что тѣло состоитъ изъ нѣкоторой формы и вида, которыхъ если бы не имѣло, не было бы тѣломъ, а если бы имѣло истинныя,—было бы душою. Или, быть можетъ, слѣдуетъ думать иначе? А. Отчасти соглашаюсь съ этимъ, отчасти же сомнѣваюсь. Соглашаюсь, что тѣло не было бы тѣломъ, еслибы не имѣю нѣкоторой фигуры. Но какимъ образомъ оно было бы душою, если бы имѣло фигуру истинную, этого я не понимаю вполне. Р. Неужели ты не помнишь ничего изъ начала первой книги и изъ твоихъ тамъ геометрическихъ разсужденій? А. Кстати напомнилъ; воспроизрожу въ своемъ представленіи все и съ величайшею охотою. Р. Такія ли фигуры оказываются въ тѣлахъ, съ какими знакомитъ та наука? А. Напротивъ того, онѣ оказываются до невѣроятности худшими. Р. Какія же изъ нихъ ты считаешь истинными? А. Неужели ты считаешь нужнымъ спрашивать меня и объ этомъ? Кто такъ слѣпъ умомъ, чтобы не видѣлъ, что тѣ, о которыхъ учить геометрія, покоются на самой истинѣ, или что въ нихъ сама истина; а фигуры тѣла, хотя и представляются какъ бы стремящимися къ нимъ, являются какимъ-то лишь подражаніемъ истины, и потому ложны? Теперь я понимаю все, что ты старался доказать мнѣ.

ГЛАВА XIX.

Безсмертіе истины ведетъ къ заключенію о безсмертіи души.

Р. Нужно ли послѣ этого снова трактовать о наукѣ разсужденія? Покоются ли фигуры геометрическія на истинѣ, или въ нихъ самихъ заключается истина, никто не усум-

нится, что онѣ содержатся въ нашей душѣ, т. е. въ нашемъ умѣ; а отсюда необходимо слѣдуетъ, что и истина существуетъ въ нашей душѣ. А если какая либо существуетъ въ нашей душѣ, какъ въ субъектѣ, съ нею нераздѣльно, и истина погибнуть не можетъ: то скажи, пожалуйста, влѣдствие какой—такой привязанности къ смерти мы сомнѣваемся въ вѣчной жизни души? Или та линія, та четвероугольная или круглая фигура, чтобы быть истинными, имѣютъ какой—либо предметъ для своего подражанія? А. Последнему я могъ бы повѣрить лишь въ такомъ случаѣ, если бы линіею было что иное, а не долгота безъ широты, или кругомъ что другое, а не круговая линія, всюду одинаково отстоящая отъ центра. Р. Такъ чего же мы медлимъ? Или гдѣ это есть, тамъ истины нѣтъ? А. Пусть Богъ хранить отъ помѣшательства. Р. Или наука не въ душѣ существуетъ? А. Кто сталъ бы утверждать это? Р. Но можетъ быть, если бы субъектъ погибъ, то, что въ субъектѣ, продолжить свое существованіе? А. Какимъ образомъ меня убѣждать въ этомъ? Р. Остается, что уничтожилась истина. А. Какъ это можетъ стать? Р. Слѣдовательно душа безсмертна. Повѣрь же наконецъ своимъ выводамъ, повѣрь истинѣ: она провозглашаетъ, что обитаетъ въ тебѣ, что безсмертна она, и что никакая смерть тѣла не можетъ вытащить изъ-подъ ней ея сѣдалища. Отвернись отъ своей тѣни, возвратись въ себя самого; для тебѣ нѣтъ другой гибели, кромѣ забвенія, что ты погибнуть не можешь. А. Слышу, прихожу въ себя, начинаю оправляться. Но прошу разъяснить остальное, какимъ образомъ въ душѣ невѣственной, которой мы не можемъ назвать смертною, должно быть понимаемо существованіе науки и истины. Р. Вопросъ этотъ, если ты желаешь его разсмотрѣть тщательно, требуетъ особой книги. вмѣстѣ съ этимъ я нахожу необходимымъ для тебя пересмотрѣть снова и все то, что по возможности нами изслѣдовано, потому что, если

нѣтъ сомнѣнія въ томъ, въ чемъ мы согласились, то мы, полагаю, сдѣлали многое, и не должны съ легкомысленною безпечностію переходить къ другому.

ГЛАВА XX.

Нѣкоторымъ истиннымъ вещамъ мы впримѣ, нѣкоторыя же воспоминаемъ; а нѣкоторыя не схватываются ни чувствомъ, ни фантазією, а только разумомъ.

А. Пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь; повинуюсь охотно твоимъ приказаніямъ. Но прежде чѣмъ закончить книгу, я попрошу позвать мнѣ въ короткихъ словахъ по крайней мѣрѣ различіе между истинною фигурою и тою, какую рисуетъ себѣ мысль, называемая погречески фантазія или фантазма. Р. Ты просишь о томъ, что можетъ видѣть только чистѣйшій, и къ созерцанію чего ты мало подготовленъ; и въ настоящее время цѣлю этихъ нашихъ околичностей было не иное что, какъ упражненіе твое, чтобы сдѣлать тебя способнымъ созерцать то. Впрочемъ особую важность имѣетъ то, какимъ образомъ это могло бы быть разъяснено, и я быть можетъ успѣю сдѣлать это понятнымъ. Представь себѣ, что ты забылъ что нибудь, и другіе желаютъ привести это тебѣ на память. И вотъ они говорятъ тебѣ, представляя въ видѣ похожихъ различныя вещи: Не это ли, или не другое ли? Ты же, хотя и не видишь того, что желаешь вспомнить, видишь однакоже, что оно не то, что тебѣ называютъ. Если бы такъ случилось съ тобою, показалось ли бы тебѣ это полнымъ забвеніемъ? Вѣдь то самое, что ты различаешь, что не принимаешь того, на что тебѣ ложно указываютъ, есть уже отчасти воспоминаніе А. Кажется такъ. Р. Стало быть такіе истины еще не видятъ; однакоже и быть обманутыми

и введенными въ заблужденіе не могутъ, и достаточно знаютъ, чего ищутъ. Но если кто нибудь скажетъ тебѣ, что ты спустя нѣсколько дней послѣ рожденія смѣялся, ты не рѣшишься назвать это ложнымъ; а если скажетъ такое лицо, которому слѣдуетъ вѣрить, ты, хотя и не вспомнишь, повѣришь: потому что все то время погребено для тебя въ полнѣйшемъ забвеніи. Или ты иначе думаешь? А. Согласенъ вполне. Р. Итакъ послѣднее забвеніе весьма различно отъ перваго; но первое—дѣло обыкновенное. Есть много другихъ вещей очень близкихъ и сродныхъ съ воспоминаніемъ и пересмотромъ истины. Подобное этому бываешь, когда мы что нибудь видимъ и навѣрное припоминаемъ, что мы это когда-то видѣли, и утверждаемъ, что знали; но гдѣ, когда, какимъ образомъ и у кого мы съ этимъ познакомились, намъ нужно припоминать и передумывать. Если намъ случится это въ отношеніи къ человѣку, мы спрашиваемъ, гдѣ мы его видѣли; когда онъ намъ напомнитъ, тогда всѣ обстоятельства неожиданно какъ бы оживляются въ нашей памяти свѣтомъ, и воспоминаніе не составляетъ болѣе труда. Но можетъ быть это тебѣ неизвѣстно или непонятно? А. Что можетъ быть яснѣе этого? Или что случается со мною чаще?

Р. Таковы тѣ, которые изучили основательно свободныя науки; ибо, изучая, они безъ сомнѣнія какъ бы выкапываютъ и отрываютъ ихъ въ себѣ, зарывая забвеніемъ; и не удовлетворяются, и не останавливаются, пока не раскроется во всей широтѣ и полнотѣ лицо истины, блескъ котораго до извѣстной степени уже просвѣчивается въ тѣхъ наукахъ. Но отъ этихъ же наукъ отражаются какъ бы въ зеркалѣ мысли нѣкоторые ложные цвѣта и формы, и часто обманываютъ изыскателей и вводятъ ихъ въ заблужденіе, заставляя думать, будто въ нихъ заключается все, что они знаютъ, или чего ищутъ. Такія представленія должны быть избѣгаемы съ особою осторожностію; ложь ихъ узнается потому, что

они мѣняются со смѣною какъ бы зеркала, между тѣмъ какъ лицо истины остается однимъ и тѣмъ же неизмѣнно. Мысль, напримѣръ, рисуетъ и представляетъ какъ бы передъ глазами у себя четвероугольникъ то одной, то другой величины; но внутренній умъ, который желаетъ знать истинное, обращается болѣе, если мѣжетъ, къ тому, на основаніи чего признаетъ всѣ ихъ квадратными. А. Ну, а если намъ кто нибудь скажетъ, что умъ судить объ этомъ на основаніи того, что обыкновенно видитъ глазами? Р. Въ такомъ случаѣ на основаніи чего же онъ (если только хорошо образованъ) полагаетъ, что всякій истинный шаръ касается истинной плоскости въ одной лишь точкѣ? Что подобное этому видитъ когда либо или можетъ видѣть глазъ, если само воображеніе не въ состояніи представить что либо въ этомъ родѣ? Не тоже ли самое доказываемъ мы, когда описываемъ въ своемъ воображеніи самую маленькую круговую линію, и отъ ней проводимъ линіи къ центру? Ибо, проведши двѣ линіи, между которыми едва ли бы могло вмѣститься остріе иглы, мы не въ состояніи провести между ними другихъ даже въ самомъ воображеніи своемъ такъ, чтобы онѣ доходили до центра, нисколько не сливаясь между собою; между тѣмъ какъ разумъ провозглашаетъ, что ихъ можно провести безчисленное количество, и что въ этомъ невѣроятно узкомъ пространствѣ онѣ могутъ войти въ соприкосновеніе только въ центрѣ, такъ что во всякомъ промежуткѣ между ними можно еще описать кругъ. Такъ какъ фантазія этого исполнить не въ состояніи и оказывается еще болѣе безсильною, чѣмъ самые глаза, хотя возбуждается къ дѣятельности ими: то очевидно, что она далеко отстоитъ отъ истины и въ представленіяхъ ея истина не проявляется.

Съ большею точностію и тонкостію объ этомъ сказано будетъ тогда, когда мы начнемъ разсужденія о познаніи; чтó мы предполагаемъ сдѣлать послѣ того, какъ разъясимъ

и устранимъ по возможности все, что беспокоитъ насъ относительно жизни души. Ибо, я полагаю, ты очень боишься, что человѣческая смерть, хотя и не умертвить души, однакоже повлечетъ за собою забвеніе всѣхъ вещей и самой истины, если бы таковая была найдена. А. Нельзя съ достаточною силою выразить, до какой степени слѣдуетъ бояться этого несчастія. Что будетъ то за вѣчная жизнь, и какая смерть не будетъ предпочтительнѣе ея, если душа будетъ жить такъ, какъ видимъ ее живущею въ едва родившемся дитяти? О той жизни, которая проводится во чревѣ, я и не говорю, хотя и не считаю не существующею. Р. Будемъ мужаться; Богъ, общающій послѣ этого тѣла нѣчто блаженнѣйшее и исполненное истины безъ всякой лжи, защититъ насъ, какъ то мы чувствуемъ уже, по молитвамъ нашимъ. А. Да будетъ такъ, какъ мы надѣемся.

